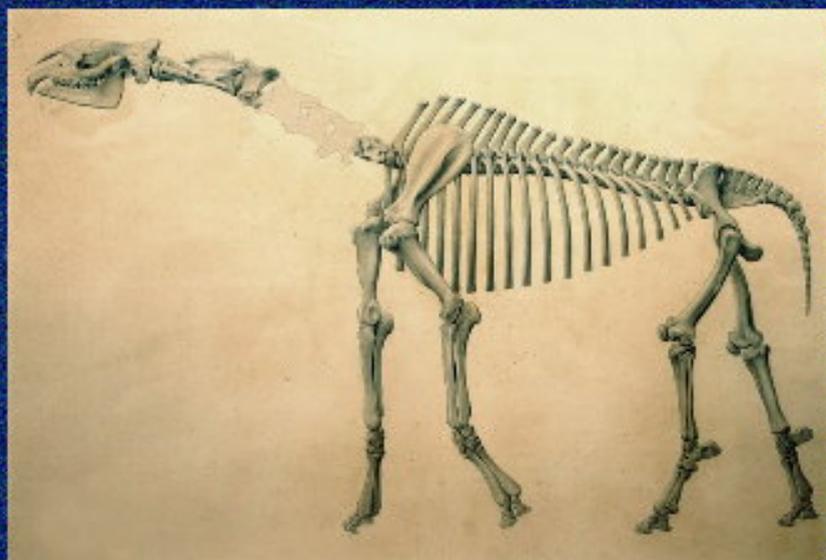

[Polaris]

Михаил
НИКИТИН

БЕЗРОГИЙ НОСОРОГ

Забывтая палеонтологическая фантастика

Том IX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXXV

Salamandra P.V.V.

**Михаил
НИКИТИН**

**БЕЗРОГИЙ
НОСОРОГ**

Забывтая палеонтологическая
фантастика

Том IX

Salamandra P.V.V.

Никитин М. А.

Безрогий носорог (Забывтая палеонтологическая фантастика. Т. IX). Сост. и комм. В. Барсукова. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 108 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXXXV).

В повести сибирского писателя М. А. Никитина, написанной в 1931 г., рассказывается о том, как замечательное палеонтологическое открытие оказалось ненужным и невостребованным в обстановке «социалистического строительства». Но этим содержание повести не исчерпывается – в ней есть и мрачное «двойное дно». К книге приложены рецензии, раскрывающие идейную полемику вокруг повести, и другие материалы.

© Authors, estate, 2016

© V. Barsukov, подг. текстов, состав, комментарии, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

**БЕЗРОГИЙ
НОСОРОГ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вычисления были проверены трижды. Профессор захопнул записную книжку, — его узкое лицо неприязненно дернулось. Все было отвратительно: натруженные ноги ныли, полотнища палатки раздражающе хлопали, ветер был дикий.

Профессор выпятил нижнюю губу, белая рука легла на твердый картон книжки. Это была капитуляция перед лицом случайностей.

Нельзя сказать, что профессор не предусмотрел случайностей. Отправляясь в экспедицию, он просил газетчиков не писать об апатитах до той поры, пока не определятся результаты предварительного обследования месторождений. Не его вина, что газетчики не поняли осторожности ученого. Он не отвечает за газетный шум. Но неудобство заключается в том, что под этот шум ему было оказано общественное доверие. Благодаря газетному вмешательству, он получал огромный запас продовольствия, исправный катер с паузком и три палатки военного образца.

Ни одна из его экспедиций не была обставлена столь блестяще. Катер довел баржеобразную ладью до устья реки Кривушки, а затем поднял ее вверх по течению километров на двадцать. Переброска на место работы заняла всего два дня. В этом было благоприятное значение газетного вмешательства.

Теперь оно могло смениться враждебным отношением. Но это было еще не все. Предусмотрев многое, профессор не предусмотрел того энтузиазма, с которым молодые его сотрудники отнесутся к апатитам. Они связали с апатитами настолько преувеличенные надежды, что разбить эти надежды было положительно нелегко.

Профессор думал о том, что вечером Сергей Сергеич и Нина вернутся в лагерь. Они сядут у костра и в их алюминиевых чашках задымится каша. Торопливо проглатывая ужин, они будут пересказывать профессору события этого

дня, проведенного у шурфов. Апатиты, апатитов, апатитами... В одну из пауз профессор раскрывает книжку и покажет Сергей Сергеичу заключительную таблицу. Тогда Сергей Сергеич поперхнется кашей, Нина встревоженно вскинет тяжелые ресницы и профессор Крот должен будет отвести глаза. Не глядя на Нину, он должен будет объявить, что крившинские апатиты не имеют промышленного значения. Нина выслушает его молча, и смуглое ее лицо потемнеет сразу.

Видение это было нестерпимо.

Профессору захотелось найти ошибку.

Он постучал карандашом по твердому переплету и, раскрыв книжку, погрузился в вычисления.

* * *

Внезапно в палатке потемнело.

Профессор вскинул узкое лицо.

Перед ним, держась за входное полотнище, стоял мальчик, приземистый и удивительно круглолицый.

Поймав вопрошающий взгляд, — мальчик шагнул в палатку:

— Вы будете профессор?

— Так точно.

У мальчика был надежный вид. Юнгштурмовская блуза, па которой ярко краснел пионерский галстук, плотно охватывала широкие плечи, босые ноги казались бронзовыми от загара. Профессор улыбнулся, думая о том, что военная формула ответа доставит удовольствие молодому гостю.

— Я к вам насчет обвала, — спокойно начал мальчик, — у нас над рекой обрыв такой есть, — Красный Яр, — обрыв очень крутой и в нем слои видны: глина, песок, известь. Вчера там обвал случился. Мы в ту пору всем отрядом на купанье пришли. Только разделись, вдруг как бабахнет. Шум, пыль, — ничего не видно. После, как маленько прояснело, мы глазам своим не поверили: на том месте, где мы

не раз рубашки складывали, большая пещера образовалась, а из пещеры торчат кости.

— Кости? — насторожился профессор. Мальчик взглянул на него и, чуть помедлив, заговорил снова:

— Кости те очень непонятные. У нас поднялся спор. Одни говорят: — это, дескать, великановы кости. Другие оспаривают: великаны, — говорят, — только в сказках бывают. Вожатый слушал нас, слушал, а после говорит: — Ребята, про эти кости надо профессуре заявить, которая у Волчьего лога копается. Может, — говорит, — эти кости от мамонта.

— От мамонта, — перебил мальчика профессор, — но почему же ваш вожатый решил, что вы нашли именно кости мамонта?

Мальчик затоптался на месте, будто устыдившись своих босых ног.

Профессор соскочил с походного стула и заходил по тесному пространству палатки.

Известие, принесенное мальчиком, несомненно заслуживало внимания. Быть может, дети действительно нашли мамонта.

В Геологическом музее, при кафедре минералогии и геологии, стоял вполне сохранившийся скелет мамонта, смонтированный профессором Кротом. Но у этого мамонта отсутствовали бивни, в свое время, вероятно, выломанные искателями мамонтовой кости.

Профессор решил пойти с мальчиком.

Натянув на голову смятую шляпу и перекинув через плечо солдатскую фляжку, — профессор вынул из-под кровати горный молоток. Сборы были кончены.

Сунув в карман консервную банку, профессор подтолкнул мальчика к выходу.

* * *

Резиновые плащи шумели. Ветер был попутный. Низко нахлобучив кепи, Сергей Сергеич и Нина торопливо шагали к лагерю.

Весь этот день Нина пробыла в Кривушинском совхозе.

Встретив Сергея Сергеича у переселенческого колодца, она сразу принялась пересказывать свои совхозные впечатления.

— Сорок тысяч гектаров, — говорила она, разводя руками будто для того, чтобы показать огромную площадь, — сорок тысяч — это, конечно, много. Но полное представление об этом я получила только, когда поднялась на вышку. Вы понимаете, посреди совхоза стоит тридцатиметровая вышка. Зрелище с такой высоты открывается удивительное. Я не знаю, как об этом рассказать. Представьте, что вы стоите на капитанском мостике. Вокруг вас пшеничное море. Куда бы вы ни посмотрели, — везде только пшеница. При том — это не отдельные поля, а сплошной пшеничным массив, без межей и проселков.

Нина облизнула пересохшие губы.

— Я помню, — в помещицьем хозяйстве, которое было расположено по соседству с нашей деревней, — площадь посева доходила до трех тысяч десятин. Это хозяйство считалось в Поволжье одним из крупнейших. В страду деревня нанималась к помещику всем скопом. Семьи с чугунами, с чайниками, с малыми детьми с половины июля до половины августа были в помещицьих полях. Бывало так, что там скоплялось до восьмисот рабочих. Это только для уборки урожая на площадь в три тысячи десятин. Сколько же потребуется рабочих, чтобы убрать сорок тысяч гектаров? Вы понимаете, — меня это озадачило. Я решила поговорить с директором. Прихожу в контору. Директор только что вернулся с объезда полей. Человек он самый обыкновенный, — по виду лет тридцати пяти, виски у него седые, но глаза и рот совершенно свежие. Молодит его военная выправка и еще то, что он очень тщательно выбрит. Я представилась. Он попросил немного подождать, отдал кое-какие распоряжения и пригласил меня в кабинет. Разговорились мы сразу и без всякого стеснения. Я спросила про рабочую силу. Он ответил, что рабочих в совхозе имеется тысяча двести. На время уборки число рабочих увеличивается примерно до тысячи восьмисот человек. Я задала

еще два-три вопроса. Он в свою очередь спросил, как идут наши работы. Оказывается, он очень интересуется нашей экспедицией.

Нина слегка наклонилась вперед, искоса взглянула на Сергея Сергеича. Лицо его выражало спокойное внимание.

— Вы понимаете, — заговорила Нина, отбрасывая поднятый ветром воротник, — директор сделал мне целый доклад. Говорил он о том, что Кривушинский совхоз развернут на вековой целине. Первые пять лет урожая здесь обеспечены. Но через три-четыре года совхозу, конечно, придется подумать о восстановлении плодородия почвы. Директор так и сказал: сейчас мы занимаемся пенкоснимательством, но через три-четыре года придется позаботиться об удобрениях. Они считают удачей то, что под боком у них обнаруживаются апатиты. Все это очень интересно. Я решила даже написать в газету небольшую...

— Пойдите, — перебил Нину Сергей Сергеич, ткнув рукой в сторону лагеря, который с высоты пригорка развернулся перед ними. Нина поднесла ладонь к глазам. Три палатки стояли на берегу реки, пылая в карминовом закате. Костер не дымился перед ними. Это было необычно.

Возвращаясь в лагерь, Нина всякий раз видела дым костра и суетливую фигуру дежурного кашевара. По-видимому, лагерь был пуст.

* * *

Зеленая лужайка лагеря, веселый плеск полотнищ. Выйдя из палатки профессора, Нина крикнула:

— Пусто.

— Должно быть, по берегу бродит, — отозвался Сергей Сергеич. — С ним это случается, бродит, как влюбленный, и сочиняет вирши, — Сергей Сергеич бросил наземь охапку хвороста и озабоченно добавил: — Займемся, однако, кашей.

Котелок отыскался в палатке профессора.

Пока Нина ходила за водой, Сергей Сергеич возвел из хвороста сооружение, похожее на муравьиную кучу.

Нина повесила на крюк котелок с пшеном. Сухие сучья вспыхнули. Нина расстелила плащ и легла у костра. Сергей Сергеич набил табаком трубку, и, прикурив от хворостины, привалился к окатанному камню.

Все пришло в надлежащий порядок.

Ветер стих. Дым восходил прямо и тень его слабо качивалась на белом полотнище.

— Странное соединение, — пробормотал вдруг Сергей Сергеич, — минералогия и вирши...

— Это вы о Петре Карловиче? — Нина широко расставила локти и опустила голову на сцепленные ладони. — Но он очень неплохой поэт.

— Я с вами не согласен, — невнятно проговорил Сергей Сергеич. — Вспомните, например, стихи, которые он прочел на выпускном вечере. Там сказано, что луна повисла на небе. По-моему, небо здесь только для размера. На чем же может висеть луна, как не на небе?

— В отношении формы Петр Карлович, действительно, слаб, — Нина произнесла эту фразу совершенно спокойно. Сергей Сергеич посмотрел на нее с нескрываемым удивлением. Нина лежала неподвижно, глаза ее были прикованы к костру, сумерки позволяли различать на ее лице меркнущую игру огня.

— Дело не в этом, — резко выпрямилась Нина. — Я несколько не удивляюсь тому, что Петр Карлович совмещает в своей особе поэта и минералога. По моему, есть особая поэзия в излучении кристаллов и в том, как минералог обшаривает землю.

— Прибавьте любовь минералога к туземным девушкам, — насмешливо пробормотал Сергей Сергеич.

Нина высокомерно приняла вызов.

— Это тоже неплохо — любовь к туземным девушкам.

Сергей Сергеич промолчал. Дым трубки был столь непроницаем, что Нина не заметила кривой его улыбки.

— Послушайте, — вновь заговорила она. — Вы не знаете, за что Карлович отбывал каторгу?

— Это весьма древняя история. Мне ее рассказал профессор Молостов. — Сергей Сергеич присел к костру и начал помешивать в котелке. — Дело было не то в 1905, не то в 1906 году. Петр Карлович учился в то время в университете. Жил он тогда с отцом, который был председателем окружной судебной палаты. Как-то раз Петр Карлович сидел в своей комнате. На улице запели «боже, царя». Петр Карлович выскочил на балкон. По улице идет черносотенная манифестация. Тут, конечно, и портреты царя, и хоругви, и мясистые лавочники. Петр Карлович, как вы знаете, человек экспансивный. Недолго думая, он забежал в комнату, потом вернулся на балкон и с балкона разрядил свой кольт. Семь выстрелов — двое убитых, трое раненых. Петра Карловича схватили. Грозило ему повешение. Но у отца были очень крупные связи, и ограничились тем, что Петра Карловича выслали на десять лет в Якутскую область. Отцу важно было выиграть время. В конце концов, он добился того, что Петра Карловича вернули. Было это в двенадцатом году. Профессор Молостов лет на восемь моложе Петра Карловича. Когда Петр Карлович вернулся на родину, — профессор Молостов не сошел еще со студенческой скамьи. На него, да и на всю студенческую молодежь Петр Карлович произвел огромное впечатление. Он приехал из Якутии таким лесным человеком. Был он тогда лохматый, с черной бородой, с сильной походкой. На выступления Петра Карловича в университете сбегался весь город. Молодежь с ума сходила. Дамы тоже. Все это очень легко понять. Представьте тихий провинциальный город. И вдруг врывается такой лейтенант Глан и произносит не скучный профессорский доклад, а живую поэтическую речь о природе Якутии. Говорит о минералах, об экологии растений, о быте якутов и вдруг произносит стихи о туземных девушках. Нетрудно представить, как все это было дико и необыкновенно. Вы только подумайте, — тихий университетский город и вдруг этакое :

— Шаманский бубен темен, задымлен...

Сергей Сергеич вернулся к своему камню и вновь начал набивать трубку.

— Все-таки это очень странно, — сказала Нина после короткого молчания. — Мне вспоминается одна сцена, которая разыгралась в кабинете Петра Карловича. Мы пришли на практикум по минералогии. Вы, конечно, помните, — у Петра Карловича висит объявление: в верхней одежде вход в кабинет минералогии решительно воспрещается. Мы честно разделись, но два парня прошли в кабинет в кепках. Они почему-то всегда ходили в кепках... Ну, вот. Прошли мы в кабинет. Петр Карлович влетел к нам бомбой и еще на пороге начал вступительное слово к практикуму. Говорил очень интересно, но к нашему несчастью парни в кепках попались ему на глаза. Он сразу переменялся в лице, затопал и завопил что-то дикое. Можно было понять только одно, что он прогоняет парней, что его кабинет — не кабак, а храм науки. Понимаете, он так и кричал: храм науки! И вот я до сих пор не могу понять, как уживаются в одном человеке столь поразительные противоположности: с одной стороны, бывший каторжанин и революционер, с другой стороны, — храм науки, преклонение перед формой, погоня за внешностью.

— Петр Карлович любит театральные жесты, — проговорил Сергей Сергеич и кинулся в котелку, в котором захлюпала каша.

Ужин был стремителен, как солдатский завтрак.

Нина отодвинула пустой котелок и снова улеглась у костра. Дрема укачала ее на теплых руках. Засыпая, она слышала голоса рабочих. Они прошли в свою палатку, разговаривая о кинокартине, которую им показали на ближайшем совхозном становище.

Неизвестно, сколько прошло времени.

— Эстафета! — сказал неожиданный голос.

Сергей Сергеич сидел у костра, держа перед собой колодок бумаги. Рядом с ним стоял неизвестный мальчик.

— Эстафета, — повторил Сергей Сергеич, протягивая Нине бумажку.

Нина склонилась к костру. Буквы на бумаге прыгали.

— Дорогие коллеги, — медленно прочла Нина. — Прошу вас завтра со всем нашим скарбом перебраться к Крас-

ному Яру. Это обрыв в трех километрах от нашей теперешней стоянки, вверх против течения реки. Объект работы меняется. Апатиты — дело конченное. Профессор Крот.

— Это надо выяснить, — сказала Нина, взглянув на Сергея Сергеича, — я пойду к Петру Карловичу.

Сергей Сергеич улыбнулся:

— Идти, конечно, нужно, но он ведь страшно упрямый. Вы все-таки скажите ему: апатитам придают такое значение, тут и Общество по изучению производительных сил замешано и газеты тоже приняли участие.

Сергей Сергеич взял из рук Нины бумажку и сложил ее вчетверо.

— Беда в том, что во время экспедиции он требует полного подчинения. Но все-таки попытайтесь.

Сергей Сергеич поднялся.

— Пойдемте, я вас немного провожу.

* * *

Костер был двойной. Отраженное пламя полыхало в воде. Человек сидел неподвижно. На фоне огня силуэт его был необычайно четок.

Неподвижная фигура человека, костер и отраженное пламя создавали ощущение почти торжественной тишины.

Из-под ног Нины посыпались камни. Они упали в воду и звонко булькнули.

Тогда человек вскочил. Нина вступила в светлый круг костра и человек кинулся к ней навстречу:

— Нина Сергеевна, случилось что-нибудь?

— Петр Карлович, — спокойно сказала Нина, — я пришла узнать, почему мы прекращаем работу в месторождениях?

Выражение тревоги сбежало с лица профессора.

— Апатиты — дело безнадежное, — сказал он с высокомерной убежденностью.

Нина почувствовала, что ей не хватает дыхания.

Профессор стоял перед ней, маленький и взъерошенный. Он говорил о том, что кривушинские апатиты, безусловно, не имеют промышленного значения, что дальнейшую разведку можно было бы вести только для получения более полных доказательств.

— Значит, с апатитами кончено?

Нина произнесла эту фразу совершенно упавшим голосом.

Лицо профессора стало непроницаемым.

— Вы не огорчайтесь, — сказал он, смеясь одними только глазами. — Завтра я покажу вам замечательный обвал.

— Петр Карлович, по ведь это полная бесплановость, — то, что мы оставляем апатиты и принимаемся за новую работу.

Профессор слегка прищурился: Ого! она уже заражена тем ядом, которым пропитано молодое поколение ученых. Программа, целевая установка, строгий план... Но разве нет особой поэзии в том, как алхимики, добывая философский камень, случайно открывали величественные законы природы?

Поблескивая быстрыми, пронзительными глазами, профессор Крот говорил о том, что в истории науки нередки такие случаи, когда в процессе научной работы решительно менялось самое ее направление.

Нина тоскливо молчала.

— Как вы теперь вернетесь в лагерь? — резко перебил себя профессор Крот. — Я мог бы вас проводить, но мне не хотелось бы оставлять обвал безо всякого надзора.

Нина засмеялась.

— Можно подумать, что у вас там клад.

— Не клад, а скелет ископаемого.

Нина знала, что расспросы сейчас бесполезны. Профессор стоял перед ней, бормоча что-то и потирая руки. Нина решила:

— Петр Карлович, меня не надо провожать, я остаюсь здесь.

Профессор посмотрел на нее недоверчиво.

Нина слегка обиделась.

— Я буду спать у костра.

Профессор выпрямился.

— Это не годится, я построю вам шалаш.

Нина не успела возразить: профессор вынул охотничий нож и ринулся к зарослям кустарника, которые скучились на отмели по правую сторону от костра.

Нина пошла к огню, подбросила несколько хворостинок. Пламя медленно заполоскалось в воде.

Нина почувствовала страшную усталость.

Огромное озеро пшеницы, улицы из белых мазанок, лицо человека с седеющими висками, — все это промелькнуло перед ней в мгновенном видении. Кажется, она задремала.

Профессор свалил у костра зеленую охалку и снова пропал в кустарнике. Он ходил так три раза. У костра вырос холмик из гибких ветвей. Потом профессор принес аккуратно обделанные стяжки.

В движеньях его было обезьянье проворство. Он подпрыгивал на ходу, лицо его порозовело.

Нина подумала, что в этот час он вспомнил бесконечные блуждания под северным небом. Воспоминания эти, несомненно, были ему приятны.

Руки его двигались с удивительной быстротой.

Он сложил остов шалаша и стал покрывать его зелеными ветками.

Нина пыталась помочь ему, но он просил ее не беспокоиться.

Шалаш встал у костра с челом, обращенным к реке. Ладони профессора раскинулись в приглашающем жесте. Нина вошла в зеленое жилище.

Запах ветвей был пронзителен. Нина почувствовала себя настоящей путешественницей. Она хотела сказать об этом профессору, но он деликатно отошел к костру. Он сел у огня, обхватив руками поднятые колени.

Утром профессор и Нина стояли перед обрывом. Земля сыпалась понемногу. Пласты были свежие, глина еще не завяла от ветра. Слоистая, слабо покатая стена обрыва имела в высоту не менее тридцати метров. На глубине двенадцати метров, в сером пласте песчаника желтели какие-то кости.

Расстояние скрадывало их величину, но все же нетрудно было заметить, что они огромны.

— Это мамонт? — обратилась Нина к профессору.

Профессор гмыхкнул и пожевал губами.

— Не думаю... Кость, которую вы видите, представляет из себя нижнюю челюсть ископаемого. Вчера я осмотрел ее.

— Осмотрели? — недоверчиво протянула Нина. — Но как же вы поднялись на обрыв?

Профессор потряс в воздухе остроплечим молотком.

— Это было довольно трудное предприятие. Я загонял молоток в породу, затем подтягивался, укреплялся и снова переставлял молоток. Таким образом я добрался до костеносного пласта. Но это не столь удивительно. Пионер, который привел меня в обрыву, тот добрался до костей с помощью одних только собственных конечностей.

Профессор опустил молоток и оперся на его рукоятку.

— Челюсть, которую вы видите, вооружена прекрасно сохранившимися зубами, последний коренной зуб имеет трапецеидальное очертание и задний его гребень... Впрочем, не будем делать преждевременных выводов.

Профессор стукнул ладонью по рукоятке молотка.

— Прежде всего, нам нужно извлечь на поверхность наше ископаемое. Мы должны взять ископаемое ин статус насценди, то есть в том состоянии, в котором оно погребено природой! К костеносному пласту нельзя подобраться ни снизу, ни сверху. Поэтому нам придется снять вышележащие пустые породы. Я сделал некоторые подсчеты. Мы будем работать на площадке длиной в сорок и шириной двадцать метров, что составляет в итоге восемьдесят кубометров земляных работ. Рабочих у нас семь человек, следовательно...

— Одно только замечание, — перебила Нина профессора, — рабочие собираются перебежать в совхоз, Сергей Сергеич слышал, как они об этом говорили.

— Это ерунда, — неприязненно возразил профессор. — Мы потребуем, чтобы администрация совхоза не принимала наших рабочих.

Нина откровенно улыбнулась:

— Совхоз с нами не согласится.

— Почему?

— Совхозу предстоит убрать урожай на площади в сорок тысяч гектаров. Понимаете, у них уборочная кампания, а у нас...

— Ископаемое, — хмуро пробормотал профессор.

Он выпрямился и вскинул на плечо молоток.

— Вот что: я попрошу вас сейчас же пройти в лагерь и поторопить Сергей Сергеича с переездом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Расточительный июль отгуливал последние дни. К земным рубежам подходил скуповатый август. Утром стремительное солнце выкатывалось из-за кромки леса, над лугами летел сизый туман, река несмело лепетала, и день вставал синий и прозрачный. Вечером усталое солнце падало за дальние холмы. Тогда наступала тишина и на смену синему дню приходила ночь.

Так текло время.

* * *

Экспедиция третью неделю зела раскопки. Экзотика первых лагерных дней постепенно уплотнялась в быт.

Лагерное утро начиналось торопливым чаепитием и воркотней профессора по поводу казацкой лени.

Казаки появились в лагере так. Рабочие, привезенные из города, ушли из экспедиции в совхоз. Профессор остался без землекопов. После двухдневных поисков ему удалось завербовать на работу казаков Кривушинской станицы.

Станичники просыпались в лагере позднее всех. Завтрак их затягивался до восьми часов, в час дня они обедали, а в пять вечера садились на траву и начинали раскуривать трубки. Они тщательно следили, чтобы их рабочий день не превышал установленных норм.

Переход на сдельную работу не изменил положения. Казаки работали по-прежнему вяло, так что дневная их выработка не превышала двух кубометров на человека.

Измученная ленивым упорством станичников, Нина как-то спросила Сергей Сергеича, на чем же было основано благосостояние Прииртышского казачества, о котором она прочла несколько восторженных страниц в книге старого сибирского краеведа.

Сергей Сергеич объяснил ей, что станичники никогда не отличались прилежанием. Владея большими земельными пространствами, они сдавали землю российским переселенцам, безбедная их жизнь покоилась на труде арендаторов.

После разговора с Сергей Сергеичем Нина приступила к одному из казаков.

— Скажите, — спросила она, — Кривушинский совхоз вашу землю забрал или какую-нибудь другую?

— Нет, — ответил ей казак, — та земля от века не пахалась, та земля богова...

— Значит, совхоз развернулся на вековой залежи?

— Так точно, — подтвердил казак, — совхоз сидит на Диком поле.

Разговор был прерван профессором, который зачем-то позвал Нину.

* * *

Ночью Нина услышала негромкий говор. Выглянув из палатки, Нина увидела казаков. Они растянулись вокруг костра, глядя в сторону огней, которые шли по направлению к лагерю. По-видимому, это была одна из тракторных бригад совхоза.

Но дойдя до лагеря, огни свернули налево и стали удаляться. Они шли по косой линии, напоминая флотилию судов, развернутую для боя.

Когда огни отошли километра на два, — самый старый из казаков — урядник Иван Недолин не очень громко проворчал:

— Это тебе все равно, как на вченьи!..

Другой казак, Недолин Петр, вынул изо рта трубку и проговорил медлительно и очень вятно:

— Отпихнули нас, можно сказать, в никудышные люди, а волю пришлым дали.

Урядник Недолин Иван заключил разговор:

— Тоже совхоз называется. — Он смачно плюнул в огонь.

В его голосе прозвучала такая злоба, что Нину пробрала холодная дрожь.

* * *

В часы сидений у ночного костра профессор Крот был по-настоящему приветлив и добродушен. В один из этих часов Нина и Сергей Сергеич прослушали приблизительно такую речь:

— Мы работаем в превосходных условиях. Мы имеем прекрасный объект для работы, он расположен в ста двадцати километрах от города и в шести от ближайшего населенного пункта. Это исключительный случай. Обычно бывает так, что чем интереснее объект, тем труднее до него добраться. В тысяча девятьсот втором году большую сенсацию произвело известие о находке Березовского мамонта. Находка была, действительно, счастливая, потому что, по донесению местных людей, труп мамонта был в прекрасной сохранности. Вы, конечно, представляете, как подобное известие подействовало на воображение ученых. Академия немедленно организовала экспедицию и ученые наперебой добивались чести включения в эту экспедицию. Трудности никого не пугали. Между тем, они были прямо чудовищны. Надо вам сказать: труп мамонта был найден на реке Березовке, которая впадает в реку Колыму. Экспедиция должна была доехать до Якутска, а от Якутска по малонаселенной местности нужно было пройти до Средне-Колымска. Средне-Колымск отделен от Якутска расстоянием в три тысячи километров. Экспедиция выехала из Петербурга в первых числах мая. К концу августа, то есть через четыре месяца, она добралась до Средне-Колымска. Здесь пришлось погрузиться на паузки и по Колыме двинуться к устью Березовки. Достигнув устья Березовки, участники экспедиции пересели на верховых лошадей. Им нужно было пересечь болотистую тайгу. Незадолго до их приезда тайга совершенно выгорела, так что им пришлось пробираться через бо-

лота, загроможденные упавшими деревьями. Словом, то было путешествие за тридевять земель. В конце сентября экспедиция добралась до места назначения. Так же, как и в нашем случае, ископаемое было найдено в обнажениях обрыва. Труп оказался в полной сохранности. Это был единственный случай в истории палеонтологии. В желудке мамонта нашли даже пищу — до тридцати фунтов трав. Мясо этого мамонта, взятое из-под плеча, по виду напоминало бычье, собаки поедали его очень охотно. В общем, экспедиция была вознаграждена за все мучения. Картину гибели мамонта удалось воспроизвести с исчерпывающей полнотой. Я говорил уже, что мамонт был найден в обрыве. Оказалось, что обрыв этот расположен на леднике. В свое время ледник был прорезан трещиной. Вода, стекающая с соседнего горного хребта, приносила в трещину камни и обломки деревьев. Потом эти наносы покрылись слоем почвы и на ней развилась растительность, которая и приманила мамонта. Он проломил покровный слой и провалился в трещину. При этом произошли переломы костей, преимущественно в области таза и задних конечностей. Мамонт не смог выбраться. Подумайте только, какая это была трудная и злая смерть.

Один из участников экспедиции говорил мне, что он даже заплакал, когда ему стала ясна картина гибели мамонта!.. Теперь подумайте о том, как труден был обратный путь: метели, измученные лошади, малый запас продовольствия и огромный груз. В общем, экспедиция вернулась в Петербург через семь с половиной месяцев после того, как она его оставила.

* * *

Когда беседа у костра кончилась, Нине стало ясно, что в эту ночь ей не скоро удастся заснуть. Она закуталась в пальто и села у палатки.

В двух километрах от лагеря шла осенняя пахота.

Нина стала следить за огнями тракторных колонн. Самы тракторы были не видны, черные корпуса сливались с пашней и об их присутствии свидетельствовали только огненные точки, которые блуждали по огромному полю, то подвигаясь на лагерь, то уплывая в сторону.

Трактористы также были не видны в этот ночной час. Нина знала только, что их лица слегка бледны от усталости и что глаза их, воспаленные бессонницей, неотрывно смотрят на циферблат контрольных инструментов.

* * *

Однажды профессор пригласил сотрудников в свою палатку.

— Дорогие коллеги, — заявил он, усадив их на походную койку, — мы приступаем к наиболее ответственной работе. Костеносный пласт достигнут, но извлечение костей требует очень большой осторожности. Малейшая небрежность может повести к гибели ценного материала. Даже при тщательном перебирании породы руками мы не гарантированы от потерь. Я считаю необходимым сообщить вам, как следует обращаться с костями. Прежде всего, кирку в костеносном слое нужно применять возможно реже. Теперь главным нашим инструментом будет нож. Ножом следует снимать породу вокруг той или иной кости. Кость нужно обнажить ровно настолько, чтобы была видна ее форма. Когда форма определится, породу вокруг кости нужно обдолбить французским молотком. Обнаженную и очищенную кость для лучшей сохранности приходится обычно покрывать столярным клеем. Наше ископаемое, насколько я могу судить, находится в довольно хорошем состоянии. Но на всякий случай нам не мешает запастись клеем. Кроме того, нам нужна материя. Дело в том, что кость после проклеивания и просушки нужно обертывать материей. После всех этих процедур кость обделывается гипсом или глиной. Надо подумать относительно клея и относительно запаса

материи. Затем понадобятся доски. Я думаю, что мы должны обратиться в совхоз с соответствующими просьбами...

Профессор закусил нижнюю губу, глаза его стали неподвижны.

Неожиданно он обернулся в Нине:

— Нина Павловна, не сможете ли вы завтра сходить в совхоз, чтобы сговориться с администрацией относительно материалов?

Нина отвела глаза в сторону. Странное волнение потрясло ее. Овладев собой, она коротко ответила:

— Очень охотно.

Голос ее прозвучал неожиданно звонко.

Она отвернулась в сторону и покраснела до загорелых плеч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пейзаж был организован, как геометрический чертеж. Прямые линии поселков пересекались под прямым углом, пшеничный круг был разделен на совершенно одинаковые клетки.

Нина не прониклась очарованием геометрического пейзажа, — на горизонте с минуты на минуту должен был появиться комбайн. Она озабочено озиралась по сторонам, но комбайн не появлялся. Нина огорченно думала:

— Ребята меня засмеют... вот, скажут, побывала в крупнейшем совхозе и не видела комбайна.

Суетные мысли недолго владели Ниной. День был превосходный, — серебряная паутина поблескивала в спокойном свете солнца, ветер волновал пшеничное озеро, колосья металлически шелестели.

Нина сняла плащ и перекинула его через плечо. В конце концов, у нее не было оснований к тому, чтобы особенно сильно огорчаться: комбайны она еще увидит, теперь важнее было отыскать главную магистраль. Впрочем, отыскать ее было нетрудно, — она лежала сейчас в северо-западном направлении и к ней можно было выйти по одному из поперечных проселков.

Нина дошла до ближайшего поселка и свернула налево. Дорога заструилась вдоль картофельного поля.

Скорее, это было не поле, а картофельное наводнение. Нина привыкла к тому, что в зерносовхозе основной единицей счета является четырехсотгектарная клетка. Вид зеленого потока все же поразил ее. Она твердо решила, что городские товарищи не смогут представить картофельного поля, которое заполняет весь горизонт.

Раздумывая об этом, она незаметно вышла на главную дорогу.

Черная лента главной дороги была сшита из трех полотен. Насколько можно было судить по столбу с надписью, среднее полотно предназначалось для легковых автомоби-

лей, правое — для крестьянских ходов, левое — для грузовых машин. Пешеходы были не предусмотрены. Нина пошла по автомобильной дороге.

Она прошла не более двухсот шагов, когда позади послышался грохот. Это была машина, — по видимости, трехтонная «СПА». Она бежала по грузовой дороге, окутанная пыльным облаком. Нина решила, что машина появилась вовремя.

Руки ей все же не удалось поднять, — машина остановилась без предупреждения. Сквозь пыльное окно Нина увидела косынку на голове шофера, автомобильная дверца резко отхлопнулась, приятный женский голос крикнул:

— В совхоз?

Нина подтвердила, что идет в совхоз.

Тогда из шоферской каюты высунулась голова в красной косынке и рука в перчатке. Голова кивнула Нине, рука сделала приглашающий жест.

— Сядьте! — сказала ей шоферша. Нина вошла в кабину, шоферша захлопнула дверцу и руки ее в черных перчатках легли на круг руля.

Машина тронулась.

— Как же это вы пешком-то, — сказала шоферша, обращая к Нине загорелое и круглое лицо. — Эдак вы в совхоз не раньше полдня дойдете?

Нина внимательно поглядела на спутницу. Лицо у нее было деревенское, веснушки не пропали еще под слоем машинной копоти, синий комбинезон не смог бы обмануть даже неопытного человека. Нина ответила вопросом.

— Вы давно в совхозе?

— С прошлой весны.

— Полтора года, — мысленно подсчитала Нина. Однако, машина быстро изменяет психику человека. Полтора года тому назад шоферша проходила пешком и десятиверстные, и двадцативерстные, и даже тридцативерстные расстояния. Теперь подобное путешествие представляется нелепым: потратить два часа на преодоление пути, который машина проходит в десять минут!.. Нет, деревенская женщина ощутила на своих руках тяжесть времени...

В каюте стало душно. Шоферша взяла руль правой рукой, а левую положила на ручку дверцы. Дверца не открылась. Шоферша прихватила зубами перчатку и, мотнув головой, быстро освободила руку.

Нина невольно ахнула: рука эта по самое запястье была покрыта морщинистыми, иссиня-красными рубцами.

Шоферша резко отдернула руку. Мертвенная бледность пробилась сквозь ее веснушки. Она всунула пальцы в перчатку и быстро выпрямилась. Лицо ее постrojело. Теперь она неотрывно смотрела на дорогу.

Нине стало неловко. Она молчала, смущенно думая:

— Как нехорошо это вышло!..

Неожиданно шоферша обернулась к Нине. На глазах ее стояли слезы.

— Обгорели мои рученьки, — сказала она тихо, — обгорели мои рученьки, — повторила она медленно и певуче. Губы ее дрогнули, крупная слеза упала на комбинезон.

— Как... это случилось?.. — растерянно пробормотала Нина.

Шоферша крутнула руль, машина обошла рытвину и вновь выпрямилась.

— Прошлой осенью это было, — начала шоферша тихо и торжественно. — В нашем гараже парень один закурил возле бензинового бака. Бензин, конечно, вспыхнул. В гараже в тот час двадцать машин стояло и все в полной заправке. Ребята тут, конечно, порастерялись, — которые к машинам кинулись, которые на улицу. На меня, девушка, какая-то отчаянность нашла. Я как-то сразу порешила, — в гараже три бочонка, — взорвется бак — машинам конец. Схватила я тот бак и побежала к двери. Только успела добежать, пламя из бака вымахнуло. Я грохнулась наземь. Ребята меня, беспамятную, в больницу отнесли.

Шоферша подняла прядь волос и обратила к Нине про светлевшее лицо:

— Ты уж меня прости, девушка, то ли глаза у меня на мокром месте, то ли тяжело мне больничные месяцы дались, — только про страшные свои боли не могу я без слез вспоминать. Да ты сама посуди, — я, бывало, до того докри-

кивалась, что даже голос пропадал. Доктор мне успокоительное вспрыскивал и я на чуток забывалась. А как очнусь, — опять криком кричу.

Шоферша сбросила перчатки и руки ее предстали в ужасающем безобразии рубцов.

— Вот еще бабья моя слабость, стыжусь я рук своих изувеченных. Знаю, что увечье не от позорной болезни, а стыд все-таки ломит.

Огромное волнение задушило Нину. Глаза ее безмолвно просили:

— Расскажи о себе... расскажи о себе все.

— Я, девушка, так думаю, — сказала шоферша, улыбаясь мягко и слегка застенчиво, — руки мои все же не даром покалечены. Я, видишь ли, брошенка, — муж хозяйство мое решил и мне пришлось по найму ходить. Работала я на богатых мужиков днем, а ночью тоже покою не видела. Мужик, девушка, до бабьей сласти охоч, а раз он тебе шестьдесят целковых за год заплатил, то дума у него такая является, что куплена ты им со всеми потрохами. Бывало, пристанет такой бородастый козел и тут от него хоть плачь... Промаялась я таким манером четыре года, и тут доспел до меня слух: в совхоз народ набирают. Я ту пору в великую крайность вошла: то ли мне в землю зарыться, то ли в петлю лезть. От большой своей тоски пошла я в совхоз, меня на тракторные курсы приняли, я те курсы кончила и стала на земле человеком.

Шоферша протянула руку по направлению к белой линии домов, возникшей на вершине холма:

— А вот, девушка, и совхоз.

* * *

Это была вторая встреча, но по существу она ничем не отличалась от первой. Директор сидел по одну сторону стола, Нина — по другую. Кабинет был просторен, — в нем не было ни одной лишней вещи, глаз мог задержаться толь-

ко на карте, которая висела над головой директора.

Выслушав Нину, директор встал.

— Вот что, — сказал он, барабая по столу пальцами, — сейчас я еду на третий участок. Отправимтесь вместе, у них должны быть доски. Относительно клея надо спросить нашу кооперацию.

Директор надел жокейскую кепи и сунул в карман записную книжку. Они вышли из кабинета. Широкий коридор был пуст, толстый милиционер ходил по крыльцу, заложив за спину руки.

Увидев директора, милиционер шагнул навстречу.

— Одну минуту, — сказал он, дотрагиваясь до рукава директора. Они отошли в сторону и милиционер что-то зашептал.

Нина остановилась на пороге, — степной городок предстал перед ней в своем молодом величьи.

Контора стояла в центре городка, от нее во все стороны протянулись улицы, обставленные глинобитными домами. Старательно выбеленные известью, дома эти в точности повторяли друг друга.

Прямо против конторы, в невысоком, вытянутом в длину бараке, помещалась столовая. Из ее раскрытых окон доносился звон тарелок и плотный гул голосов. Был час обеда, — на широких улицах утвердилось безлюдье.

Нина сошла с крыльца. Зеленый Форд был чист и ослепительно наряден. На его подножке сидел шофер с подвяданной щекой. Он ждал, равнодушно поплеывая на сапоги. Он томился не то от зубной боли, не то от желанья мчаться машину в простор, в широкое поле и в ветер.

Нине стала тягостной знойная тишина степного города. Будто угадав ее нетерпенье, директор сказал что-то милиционеру и торопливо сбежал с крыльца.

Шофер поднялся. Но ему не суждено было сегодня мчаться в простор и в ветер, — директор сказал, что он сам поведет машину.

Шофер кивнул головой, открыл дверцу и показал Нине на сиденье в глубине машины.

Нина не решилась попросить, чтобы ей позволили занять шоферское место. Рулем завладел директор. Машина тронулась. Вышка Гидростроя, дома, гараж, мастерские — все это промелькнуло мимо и тут же осталось позади.

* * *

Навстречу машине бежали пшеничные гектары. Дорога струилась узким и черным каналом.

Нина пересела на переднее сиденье и, наклонившись к самому уху директора, спросила о комбайнах. Директор прокричал, что она увидит комбайны на четвертом участке.

Нина отдалась наблюдениям.

Степь была ровная, пшеничные квадраты повторяли друг друга, лента с черными цифрами навертывалась на счетчик.

Сто двадцать один километр, сто двадцать два, сто двадцать три. На сто двадцать четвертом километре Нина увидела гессенские палатки. Они выстроились полукругом, на левом крыле стояла полевая избушка, на правом дымились походные кухни.

Пшеничные гектары сменились черной бутристой пашней. Дорога сломалась, круто склонившись к стану. Теперь было видно, что полукруг, образованный гессенскими палатками, заполнен человеческим скопищем. Люди сидели и лежали вокруг грузовика, на котором стоял человек в черном комбинезоне.

Директор с разбега остановил машину и соскочил на землю. Нина последовала за ним.

На участковом стане шло собрание. Очередной оратор, высокий и худой парень, одетый в юнгштурмовскую форму, стоял в тени грузовика, размахивая длинными руками.

Голос его звучал резко и пронзительно.

— Товарищи, — говорил он, — я считаю так, — вопрос совершенно ясный и прения надо прекратить. Вы знаете, что производственный план по вспашке под зябь нашим

участком выполнен только на тридцать пять процентов. Вы также знаете, — тракторов у нас мало и в людях имеется большая нужда. Игнатьев и Петров выбрали неподходящий момент. Как они ставят вопрос, товарищи? Они говорят: или повышай нам разряд или мы уходим. Расчет у них простой, — они знают, что в трактористах у нас нехватка. Они берут администрацию на пушку. Товарищи, вопрос ясный. Я предлагаю добиваться увольнения Игнатьева и Петрова, как рвачей и шкурников.

Оратор в последний раз взмахнул руками. Человек, стоявший на грузовике, сбил на затылок кеги:

— Товарищи, внесено предложение о прекращении прений... Кто за это предложение, прошу поднять руки.

Ладони, темные от загара и от смазочных масел, вскинулись сразу. Было ясно, — собрание пронизано током единоклассника. Директор шепнул Нине, что надо пробираться вперед.

Они вышли из рядов и, обойдя стороной собрание, остановились у самого грузовика.

Теперь стали видны лица обвиняемых.

Они сидели несколько в стороне от собрания. Один из них, — рыжий и толстогубый, вертел какую-то щепочку, а другой наматывал на палец сухую, длинную травинку. Рыжий казался спокойным, — товарищ его, напротив, заметно волновался: он исподлобья поглядывал на председателя, на его рябом лице отчетливо проступали белые, почти меловые пятна.

Председатель расхаживал по грузовику.

— Не будем затягивать вопрос, — говорил он, отчеканивая каждое слово, — нас, товарищи, ждет обед и дальнейшая работа. Я ставлю на голосование, — кто за то, чтобы Игнатьева и Петрова исключить из наших рядов, как рвачей и шкурников?

Темные ладони вскинулись вторично. Кто-то из рядов крикнул:

— Единогласно!

Председатель перегнулся через борт автомобильного ящика:

— Слово предоставляется дяде Косте!

Из-за грузовика вылез толстяк в порыжелой кожанке.

— Что ж, ребята, администрация с вами согласна. Раз вы постановили уволить, — мы, конечно, уволим.

Собрание шевельнулось. Толстяк шумно вздохнул и поправил роговые очки:

— Сейчас я посылаю машину на главный хутор. С ней можно отправить Игнатьева и Петрова.

Толстяк еще раз вздохнул. Из рядов послышались крики.

— Правильно!

— Бери их за грудки!

Председатель поднял руку:

— Следующий вопрос... — он улыбнулся и, чуть помедлив, добавил, — обед...

Гул голосов взметнулся прибоем. Люди поднялись и сломали ряды. Председатель спрыгнул с грузовика. Теперь от собрания осталась примятая трава и двое обвиняемых. Люди прошли мимо, не глядя на них. Они стали отщепенцами. Они не смогли бы замешаться в толпу веселых парней, которая двигалась теперь к большой палатке, тесно заставленной столами. Они как бы перестали существовать.

Толстяк подошел к ним и, глядя в сторону, небрежно проворчал:

— Собирайте вещи.

Они встали и побрели, как побитые собаки.

Толстяк подошел к директору.

— Видели? — спросил он, протягивая руку.

— Видел, — ответил директор.

Инцидент был исчерпан.

Директор заговорил о пахоте и толстяк повел его в полевой вагончик.

Нина побрела по лагерю.

Был обеденный час. Поварихи огромными мешалками перемешивали борщ и кашу в котлах походных кухонь. Полотнища самой большой палатки были распахнуты. За столами, гремя алюминиевой посудой, сидели трактористы.

Нина прислушалась к нескладице их голосов. В сущности, она не замечала лагеря, ее губы шевелились, она рассеянно шептала:

— Спины рвачей были придавлены позором.

Это была первая фраза из ее нового, еще не сочиненного очерка. Она еще не знала, будет ли у нее очерк. Она также не знала, где взять ей такие слова, которыми можно было бы описать новую человеческую породу.

Она зашла в палатку, смежную со столовой. Посередине палатки стоял стол, по обе стороны от него протянулись ряды топчанов. На одном из топчанов лежала книжка. Нина только успела ее взять, когда за полотняной стеной послышался грохот машины.

Отбросив входное полотнище, Нина увидела трактористов, подвергнутых остракизму. Они сидели на автомобильном ящике на своих зеленых сундуках. Шофер, сзывая товарищей, терзал резиновую грушу. Угадав его намерение, парни выскочили из столовой.

Сирена смолкла. Шофер обернулся к зрителям и взмахнул рукой. Один из зрителей замяукал. Другой вложил в рот два пальца и оглушительно свистнул. Поднялся невероятный шум. Толстяк выбежал из вагончика. Шум нарастал. Парни свистели, кукарекали, мяукали. Толстяк подбежал к шоферу и что-то сказал ему, размахивая руками.

Шофер кивнул головой и взялся за руль. Машина прыгнула вперед, унося черные, придавленные позором спины.

Форд покинул лагерь вслед за грузовиком.

* * *

Дождь медлил. Тучи не внушали доверия: их черный табун не успевал за Фордом.

Сидя рядом с директором, Нина слышала его затрудненное дыханье. Было невыносимо жарко. Вялый и парной ветер не приносил облегченья.

Изнемогая от духоты, Нина спросила директора, будет ли дождь.

— Боюсь, что будет, — ответил директор.

— Бойтесь! — удивилась Нина, — но ведь сейчас такая жара!

— Вы забываете о комбайнах. — Директор расстегнул гимнастерку и воротник ее отвалился, открывая бронзовую шею и белую полоску груди. — Комбайн очень капризная машина. Он работает только тогда, когда влажность зерна в колосе не превышает четырнадцати процентов. Даже небольшая роса может затормозить работу, — что ж тут говорить о дожде... Вообще, это страшное несчастье, — то, что сельское хозяйство зависит от погоды... Тут, знаете, неорганизованная стихия.

Директор замолчал. Нина склонилась к боковому окну. Тучи надвигались, там, где тень их перекрывала поля, разлив желтеющей пшеницы заметно темнел.

Ветер переменял направление. Теперь он дул в кузов автомобиля. Он подымал пыльные вихри и они, будто убегая от машины, кружились с бешеной быстротой. Машина настигала их, они разбивались о ее грудь и пыль, горкая и душная, проникала в стеклянную кабину.

Нина увидела комбайн в ту самую минуту, когда машина взлетела на пригорок. Издали комбайн был похож на утку. Жатвенное полотно волоклось перебитым крылом, сминая пшеничные заросли. На соседнем участке виднелся второй комбайн.

Нину поразило безлюдье полей. Она видела только одинокую фигуру комбайнера, который стоял у штурвального колеса. Тракторист был менее заметен. Он только угадывался. Два человека и ни одного жнеца! По выстриженному полю желтели соломенные кучи. Два человека и ни одного суслона! Это было поразительно.

Машину пришлось оставить посреди дороги. Директор и Нина пошли наперерез комбайну. Вокруг них бушевало пшеничное озеро. Волна была темная. Она не могла быть иной, потому что солнце запуталось в тучах.

Неожиданно комбайн остановился. Штурвальный оглянулся и махнул рукой. Из лощины выскочил грузовичок.

— Зерновоз, — объяснил директор. Грузовичок подлетел к комбайну, элеваторный зоб повис над автомобильным ящиком. Человек, стоявший в ящике, заботливо расправил полы брезента. Зерно потекло в грузовичок.

Чуть наклонившись к Нине, директор заговорил о пути зерна.

Он говорил о том, что грузовичок, наполненный зерном, побежит на пристань Клин. Он оставит зерно в перегрузочном амбаре. Здесь оно полежит несколько дней. Потом к амбару подойдут баржи, и зерно низринется в их темные недра. Пароходы доведут флотилию до городского элеватора, и элеватор опустит в брюхо баржи свой зерновсасывающий хобот.

Директор говорил также о том, что в совхозе очень мало грузовиков и что грузовики, мобилизованные в городе, запропастились где-то на дороге.

— Транспорт, — говорил директор, — наше больное место.

Так они шли, говоря о грузовиках. Внезапно ветер стих. Темная волна разбилась в мелкую зыбь.

Упала первая капля дождя.

Люди у зерновоза засуетились. Тракторист выскочил из седла и подбежал к грузовику. Полы брезента взметнулись.

— Закрывают, — успокоенно сказал директор. Он схватил Нину за руку.

— Побежим! — крикнул он.

Дождь хлынул с такой силой, будто в небе опрокинулось гигантское ведро.

— Придется налаживать зерносушилку, — сказал директор, кивнув головой на грузовичок.

Нина засмеялась и передернула плечами. К плечам уже прилипло платье.

Глаза ее встретились с глазами директора. Он улыбнулся ясно и молодо. Нина решила, что, как директор, он огорчен дождем, а как человек, доволен.

Палатки стояли на обрыве, голубея в лупи. Самая большая из палаток, освещенная изнутри, напоминала гигантский фонарь.

«Форд» остановился посреди лагеря. Кивнув головой в сторону освещенной палатки, Нина сказала директору, что профессор еще не спит. Они вышли из машины и их длинные тени перекрыли лунную лужайку. Сламываясь и вновь выпрямляясь, тени потекли к палаткам.

Было очень тихо. Внизу, у обрыва, несмело чешуилась река. Нина остановилась перед входом освещенной палатки и, будто боясь спугнуть лунную тишину, спросила осторожно и негромко:

— Можно?

Резкий, дребезжащий голос крикнул:

— Прошу!

Нина просунула в палатку всклокоченную голову. Профессор сидел на походной койке, перелистывая какую-то книгу. На другой койке дремал Сергей Сергеич.

— Я не одна, — сказала Нина вкрадчиво. Лицо ее пылало лукавым весельем. Она отбросила входное полотнище, и профессор увидел незнакомца с сухим и резко очерченным лицом.

Кто бы это мог быть?

Профессор повторил приглашение. Нина и ее спутник ввалились в палатку.

— Познакомьтесь, — сказала Нина.

Профессор пробормотал что-то традиционное. Незнакомец отчетливо произнес:

— Лапа — директор зерносовхоза.

Профессор указал на походный стул. Директор сел, шурша плащом. Нива под села к Сергей Сергеичу. Только теперь профессор заметил, что она в мужском костюме. Ковбойка, бриджи, желтые краги, — что бы это могло означать?

Нина перехватила его взгляд и засмеялась.

— Это дождь виноват!

— Дождь, — оживился профессор, — он нам очень много помог. Он разрыхлил породу, некоторые кости совершенно обнажились.

Профессор обернулся к директору и с некоторой торжественностью добавил:

— Рад с вами познакомиться. Именно сегодня я убедился в том, что ископаемое, которое мы нашли на территории вашего совхоза, является индрикотерием.

— Индри-ко-те-рием, — с усилием повторил директор, — а что это такое?

— Безрогий носорог, очень редкое ископаемое. — Профессор вскинул узкое лицо. Он явно гордился своей удачей. — Весьма редкое ископаемое, — повторил он, — в первый раз индрикотерий был найден в Тургайской степи студентом Гайлитом. Тогда эта находка прогремела на весь мир. Я думаю — это большая удача, что второй случай находки индрикотерия связан именно с вашим совхозом. Вы только подумайте, — до сих пор ваш совхоз был никому не ведом, теперь о нем узнают все палеонтологи мира.

Директор переглянулся с Ниной.

— Я бы предпочел, чтобы вы нашли фосфориты.

Фраза, произнесенная спокойно, прозвучала, как оскорбление. Профессор резко выпрямился.

— Слепой практицизм, — пробормотал он тихо. Сергей Сергеич гмыкнул. Профессор теребил узкую бородку, руки его дрожали.

— Слепой практицизм, — повторил он, стараясь сохранить деланное спокойствие — вы, очевидно, рассматриваете палеонтологию, как бесплодную игру ума. Но уверяю вас, — это глубокое заблуждение.

Возьмем наш случай. Кости индрикотерия найдены за пятьдесят пятым градусом северной широты. Мы получим яркое доказательство того положения, что северная граница субтропических лесов в третичный период лежала значительно выше, нежели та граница, которая до сих пор была установлена. Затем, откапывая кости индрикотерия, мы собрали значительный материал по геологии вашего сов-

хоза. Этот материал, несомненно, пригодится, когда вы будете составлять геологическую карту.

Директор хотел что-то сказать.

— Виноват, — резко проговорил профессор, вскинув узкую ладонь, — я должен лишь вам сказать, что человеку нужно изучать природу даже в том случае, если это познание не имеет сколь-нибудь заметного практического значения. Познание может быть самоцелью, потому что оно дает человеку огромное удовлетворение. Представьте себе ученого, который роется в меловых отложениях. Он роется неделю, другую и вот судьба посылает ему удачу, — он находит отпечатки листьев сассафраса или фиговых деревьев. Ободренный, он продолжает работу. Еще несколько взмахов молотка и перед ним скелет какого-нибудь протейя. Как бы плохо ни сохранялся скелет, ученый восстановит внешний облик животного. Мало того, он восстановит даже историю его жизни и смерти. На одну минуту перед ученым возникнет картина подтропического океана. На месте безлесной равнины, к унылому виду которой он привык за месяц работы, для него встанут роскошные леса магнолий и фиговых деревьев. Леса эти ограничивают закрытую бухточку, над которой торчат головы двух мезозавров. Но ученый не обращает внимания на мезозавров. Он видит другое. Он видит, как скумбрии бегут на мелководье. Они спасаются от портея, — от гигантской рыбы, рыло которой похоже на морду бульдога. Из рта этой рыбы торчат клыки длиной в семь сантиметров. Она широко раздвигает челюсти и заглатывает скумбрий. Потом челюсти защелкиваются как капкан. Преследуя скумбрий, портей заплывает в мелководье. Тут начинается отлив. Портей бежит обратно. Но время уже потеряно, вода ушла, и портей должен задохнуться на мелководье. Он бьет чудовищным хвостом. Воды все меньше. Он извивается в тине и, наконец, затихает...

Профессор умолк и распустил улыбку по острому и узкому своему лицу:

— Что вы теперь скажете по поводу палеонтологии?

Директор сразу стряхнулся:

— Что я скажу о палеонтологии?.. Скажу то же самое, — я не против палеонтологии. Вы говорили очень интересно и я слушал вас с удовольствием. Палеонтология, конечно, нужна. Но, если вы меня спросили, что для меня сейчас важнее, — палеонтология или, например, почвоведение, я бы сказал прямо — для меня в данное время важнее почвоведение. — Виноват, не перебивайте меня... Вы говорили здесь о геологической карте. А известно ли вам, что у нас не только геологической — почвенной карты нет. Сейчас у меня работают американские инструктора комбайнеров. Они, когда немного пригляделись, сказали мне прямо, что в организации совхоза виден чисто американский технический риск. Это, конечно, неплохо, что мы можем позволить себе технический риск. Но избыток технического риска мог бы привести к катастрофе.

Директор распахнул плащ. На лице его проступали розовые пятна. То, о чем он говорил, видимо, волновало его.

— Вы обследовали месторождения фосфоритов и нашли, что они не имеют промышленного значения. И вот вы оставили их и занялись носорогом. Если б на то была моя воля, я превратил бы вас в почвенную экспедицию... Не спорьте и не ругайте меня варваром. Постарайтесь представить себя на моем месте. Территория нашего совхоза составляет сто двадцать тысяч га. На этой территории работают два почвовед. До сих пор они обработали двенадцать тысяч га. Я просил, чтобы мне дали еще восемь почвоведов. Мне отказали. Говорят, — нет людей и средств. На первоочередную работу нет ни людей, ни средств. На носорога людей и средства находят. Не сердитесь, профессор, я вовсе не хочу вас обидеть. Согласитесь с тем, что очень рискованно бросать зерно в ту почву, которая вами не изучена. Конечно, зерно можно бросить, если вы имеете дело с опытным посевом. Но у меня посев промышленный. В этом году посевная площадь нашей совхоза — сорок тысяч га. Ясно, что мне нужно знать ту почву, в которую сотни сеялок бросают семена. Не подумайте, что я обвиняю тех людей, которые организовали совхоз на неисследованной территории. Стране нужен хлеб. Чем больше новых земель вступает в обра-

ботку, тем больше мы получаем хлеба. Мы берем в обработку даже неизученные земли. Вы скажете, что индрикотерий не мешает добыванию хлеба. Я с вами не согласен. Ваш индрикотерий отвлекает силы и средства, которые могли бы быть брошены хотя бы на организацию почвенных экспедиций. Недавно я читал в газете: одно ученое общество командировало своего сочлена в какой-то захолустный городок для изучения надписей на купеческих памятниках. Может быть, могильные надписи действительно нужно изучать. Но газета расценила действия ученого общества, как откровенную контрреволюцию. Я с такой оценкой согласен. Страна борется за уголь, за хлеб, за железо, а гробокопатели спокойно списывают могильные надписи. Я, конечно, далек от того, чтобы вашу работу приравнять к работе этих гробокопателей. Я только хочу подчеркнуть, — ваша работа не первоочередная.

Директор выхватил из кармана папироску и невесело засмеялся:

— Прочитал вам целую лекцию, — даже самому спать захотелось.

Он поднялся и прикурил от лампы.

— Пора домой, — сказал он, запахивая плащ. — Нина Сергеевна, вещи вы пришлете с тем парнем, который доставит вам доски.

* * *

Нина едва успела сбросить ботинки и краги: сон смял ее сразу, она упала на постель, как на дно омута.

Сон был похож на *of* морок.

На рассвете волосы ее повлажнили от холода. Она с усилием раскрыла глаза. Час был ранний, палатка розовела в рассветной свежести, на стенках ее серебрился иней.

Нина подумала о том, что иней может повредить пшенице, затем она вспомнила вчерашний спор и сон отошел от нее. Она укрылась с головой и поджала к животу коле-

ни. В детстве, в минуты огорчений она вот так же укуты- валась в какую-нибудь шубу и успокоение входило в ее тело вместе с шубной теплотой. Теперь этот жест был только привычкой, утратившей значение. То, что она прежде всего подумала не об экспедиция, а о совхозе, удивило ее и вместе с тем встревожило.

Она была студенткой сельскохозяйственного института и одновременно научно-технической сотрудницей при кафедре минералогии и геологии. Она успела привыкнуть к той мысли, что ее жизнь пройдет в тихом кабинете, тесно заставленном витринами минералогических коллекций. Было решено, что по окончании института она останется при кафедре в качестве аспиранта.

Размышляя о будущем, Нина отчетливо представляла занятия со студентами, работу в лаборатории и ученые заседания. В видениях будущего зимние дни были окрашены синим пламенем газовых горелок, наполняющих своим гудением дремотные стены минералогической лаборатории. Лето представало перед ней более яркими картинами. Она видела синюю ширь заброшенной реки и паузок, медленно уносимый течением, она видела ночную тайгу, обступившую палатки изыскателей, она видела мягкую линию гор и беспредельные пространства тундр.

В ее будущем, с поправками на современность, повторялось прошлое профессора Крота. Из него, — из этого будущего — были исключены только стихи и ссылка. Но стихи заменялись очерками, а ссылка — летними экспедициями.

Повторение это отражалось даже на внешности. Кабинет профессора Крота был заполнен разнообразными вещами. Тут можно было увидеть и ржавую саблю сибирского землепроходца, и бронзовую гагару тунгусских шаманов, и образцы остяцкого орнамента.

Подражая профессору, Нина повесила на стене своей комнаты тунгусский лук, купленный у матроса Карской экспедиции. Подражание это было, в сущности, бессознательным, не зависящим ни от Нины, ни от профессора.

Говоря как-то о лесе, профессор заметил, что процесс смены лесных поколений очень похож на процесс смены поколений человеческих. — Природа, — говорил он, — очень экономная хозяйка. Молодая поросль, встающая под дряхлыми деревьями, повторяет жизненный цикл, только что законченный мертвецами.

Это замечание взволновало Нину. Она подумала о том, что вот он, профессор Крот, потихоньку уходя в смерть, передает ей свои знания и опыт жизни. Со временем она займет его место. Она будет профессором минералогии и геологии и вокруг нее встанут молодые ученики. Она передаст им знания и опыт жизни и в предназначенный час уйдет в небытие.

Мысли эти были грустными и одновременно бодрыми. Во всяком случае, они вносили очень большую ясность. Нина могла думать, что жизнь ее определилась окончательно. Чертеж будущего охватывал десять лет. Она знала, что ей предстоит три года учебы в институте, затем два года аспирантуры, затем ассистентство, — младшее и старшее. В конце этого длинного пути величественно возвышалась «кафедра».

«Профессор», «минералогия» и «кафедра» — были понятия незыблемые.

Теперь эти понятия колебнулись.

Нина не смогла бы объяснить, как это случилось. Она не смогла бы также объяснить, что с ней произошло. Она почувствовала только, что все это, — и «минералогия», и «кафедра», и «профессор», — отодвинулось в бесконечное отдаление.

В ту самую минуту, когда она подумала о том, что иной может повредить совхозу, — в эту минуту она как будто услышала отдаленный стук судьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Изыскатели работали с утра до вечера. Серый песчаник крошился под равномерными ударами ножей, солнце жгло им спины, горклая пыль набивалась в нос и усталость заседывала им плечи.

Как-то раз в лагерь заявили пионеры. Внимательно осмотрев раскопки, они попросили профессора выделить две-три мамонтовых кости для их безбожного музея. Профессор сказал, что разрознивать скелет нельзя. После этого он прочел прекрасную лекцию об ископаемых и, в заключение, предложил им принять участие в раскопках индрикотерия.

Выслушав его, пионеры в один голос крикнули:

— Мы не можем, мы работаем в совхозе, мы организовали бригады по уборке урожая.

Профессор долго их уговаривал. Он говорил, что, работая на раскопках, они узнают, как была создана земля, и тогда станут настоящими натуралистами.

Настойчивость этих уговоров Нине показалась странной: дети не смогли бы привести сколь-нибудь заметной помощи, на обучение же их пришлось бы затратить немало времени. Можно было также опасаться, что они испортят не одну кость.

Предпочтение, которое пионеры отдавали совхозу, заметно обидело профессора. Это было нетрудно понять. Пионеры не вышли еще из того возраста, когда маленький человек смотрит на мир восхищенными и любопытными глазами. Предлагая им участвовать в раскопках, профессор шел навстречу их естественной любознательности. Их отказ показался ему диким.

Он, вероятно, думал:

— Совхоз?.. Но что такое совхоз по сравнению с каменной книгой тысячелетий, которую он хотел перелистать перед ними...

Детство профессора затерялось в отдаленном прошлом. И все же он мог вспомнить себя в том возрасте, когда он собирал коллекции жучков и бабочек. Если бы ему в то время предложили участвовать в раскопках животного, миллионы лет пролежавшего в земле, он принял бы это предложение с неописуемым восторгом.

Отказ пионеров, несомненно, его огорошил. Нине было легче понять причину этого отказа. Ей даже не нужно было обращаться к воспоминаниям детства. На месте пионеров она поступила бы точно так же, как поступили они. Она чувствовала власть этой дикой земли, над которой грохотал бешеный прибой работы.

По ночам она подолгу сидела у палатки, прислушиваясь к отдаленному топоту катерпиллеров. Она смотрела в огненные глаза автомобильных фар и ей тогда казалось, что по земле ползают чудовищные ящеры, о которых столь увлекательно говорил профессор Крот.

* * *

Кости были огромные и коричневые. После того, как их извлекали на поверхность, они проклеивались столярным клеем и облеплялись глиной.

Погода не мешала работам. Дни стояли жаркие, глина затвердевала в виде уродливой каменной бабы.

Дни проходили, не отмеченные событиями.

Нине запомнился один только вечер, когда все участники экспедиции собрались у костра и Сергей Сергеич начал рассказывать разные истории из своей прошлой жизни на Дальнем Востоке. Всегда молчаливый, немного даже угрюмый, Сергей Сергеич не был искусным рассказчиком. И все же Нину захватил рассказ о партизане Тряпицыне, который сжег город Николаевск-на-Амуре.

Изменяя обычному своему спокойствию, Сергей Сергеич отзывался о Тряпицыне с нескрываемой злобой:

— Яркий представитель атавизма, — говорил он, жадно

загладывая табачный дым, — представьте себе, — детина саженого роста одержим навязчивой идеей такого порядка: надо истребить города и вернуть человечество на лоно природы.

Волнение Сергей Сергеича передалось Нине. Профессор насмешливо пробормотал:

— Руссо по-русскийски.

Нина метнула на профессора мгновенный взгляд.

— Приклеил ярлычок! — прошептала она, досадливо морщась. Странное дело, его нельзя поймать врасплох! Кажется, на любой случай у него приготовлена острота, историческая справка иль подходящая цитата. Сейчас он произнес фразу о Руссо. Если бы с ним заговорили об изменчивой доходности земельных участков, он сказал бы, улыбаясь пренебрежительно и насмешливо, что этот факт был известен еще две тысячи лет тому назад и что Катон Старший разработал для помещиков Римской империи прекрасную таблицу, на которой первое место по доходности принадлежало участку земли, занятому виноградником, а последнее — участку, занятому дубовой рощей.

Неожиданно Нина подумала о директоре зерносовхоза. Он встал перед ее глазами, — невысокий, худощавый, с твердым профилем и преждевременно поседевшими висками. Сравнение навернулось невольно. Она подумала о том, что директор, пожалуй, ничего не знает ни о Руссо, ни о Катоне Старшем и что его знания проникнуты узким практицизмом. Ему известно, что по пласту надо сеять твердую пшеницу, что осеннее дискование облегчает накопление влаги и что работа одного «кэтерпиллера» равна работе трех «Интернационалов». Он не смог бы украсить свою речь звучной остротой иль пронизательной цитатой. Если он заговорит об организации крупного хозяйства, он не сошлется на древних римлян, которые превосходно разрешали эту задачу в своих обширных латифундиях.

Если бы опыт латифундий был нужен директору для дела, он, несомненно, обратился бы к этому опыту. Но римляне были для него бесполезны. Поэтому он проходил мимо них.

Катон Старший и Руссо! Директор зерносовхоза не может позволить себе роскоши знать, что они говорили по тому или иному поводу. Да, он не может этого знать, потому что все внимание поглощено делами зерносовхоза. В конце концов, он только рычаг очень большой и очень сложной машины. Рычаг этот освобожден от всяких украшений, потому что украшения отяжелили бы его и замедлили бы его бег.

Размышления эти были неожиданными. Встревожив Нину, они как-то осложнили ее отношения к профессору Кроту.

* * *

Работы подвигались к концу. Настал такой день, когда кривушинский телеграф передал в город телеграмму с вызовом катера и паузка. По расчетам профессора, катер должен был прийти пятого сентября. К этому времени нужно было закончить обработку последних костей.

Между тем, сентябрь давал себя чувствовать. Утром изыскатели просыпались в своих палатках, дрожа от холода. Дни проходили хмурые, с резким ветром и небольшими, угнетающе-сучными дождями.

Условия работы резко ухудшились. Глина подсыхала медленно. Запас продовольствия подходил к концу. Уже не было сахара — изыскателям пришлось отказаться от кофе, несмотря на то, что оно поддерживало их мужество в пронзительно-холодные часы утра.

В последнюю неделю работать было особенно трудно.

Вечером четвертого сентября четыре еще не вполне просохшие глиняные кульяпки были заколочены в ящики и снесены к деревянным мосткам, около которых громоздились ранее приготовленные ящики.

Профессор отпустил казаков. Теперь дело было только за катером. Изыскатели разбрелись по палаткам. Они были так утомлены, что не стали даже дожидаться ужина.

Они уснули, едва прикоснувшись к постели.

Не уснула только Инна.

Она не уснула потому, что в палатку ее прокралась тоска.

Ночь была холодная, — с рыхлым и сырым ветром. Зябко кутаясь в одеяло, Нина неторопливо ворошила бессонные мысли. Она думала об институте, о профессоре, о совхозе. Постепенно ее мысли сосредоточились на директоре.

Перед ее глазами мелькали картины того дня, который в ее памяти был отмечен блеском голубоватых молний. Она снова видела желтеющий разлив пшеницы, бугристую пашню и гессенские палатки. Она видела также пыльную ленту дороги и черный табун туч, бегущий вслед автомобилю.

Иллюзия была столь полная, что на мгновение она даже услышала ровный шум мотора.

Это было похоже на короткую вспышку молнии.

Пыль, духота, темная волна ветра. Руки директора лежат на руле. Машина с разбега останавливается. Они выпрыгивают наземь и бегут, взявшись за руки. Первые капли дождя холодят лицо. Директор ускоряет бег, но дождь не ждет. Он хлопывает их по плечу, он бьет им в лицо. Бежать теперь бесполезно. Они неторопливо подходят к комбайну, директор усаживается на жатвенное полотнище и вступает в разговор с трактористами, которые сидят под ящиком зерновоза. Директор говорит с ними о брезентах, о перегрузочном амбаре, о пристани Клин. Потом он спрашивает, куда запропастился комбайнер. В ответ на это раздается приглушенный голос и из-под ног директора появляется черная голова. Затем появляются плечи, и комбайнер, смеясь, вылезает из-под жатвенного полотнища. Он усаживается рядом с директором и они начинают говорить о ножевых сегментах. Комбайнер непринужденно размахивает руками, дождь бьет его по спине и он, будто стоя под душем, ежится и хлопывает себя по плечам.

Счастливое, глубокое спокойствие, обозначающее конец дождя. Автомобиль, заляпанный грязью, подлетает к высокому крыльцу. Квартира директора: комната, в которой стоит

стол, чемодан и койка. Нина промокла до нитки. Директор, смеясь, выкладывает из чемодана свои рубашки, носки, бриджи. Потом он уходит и Нина остается наедине с непривычными вещами. Особенно сильно смущают ее трусики директора. Она нерешительно откладывает их в сторону. Войдя в комнату, директор находит свои трусики на своей же постели. Нине незачем выходить. Директор просит ее только отвернуться. Переодевшись, он начинает греметь электрической кастрюлей. Неожиданно глаза его встречаются с глазами Нины, он лукаво косится в сторону трусиков, и вдруг оба они взрываются безудержным смехом.

Автомобиль, просторная комната, обжигающий чай... А теперь — тоска. Откуда она приходит? Может быть, ее напевает ветер?

* * *

Утром были закончены последние приготовления к отъезду. Лагерь сразу приобрел нежилой вид: около палаток тускло блестели консервные банки, между черных круговин, оставленных погасшими кострами, валялись обрывки рогож, смятые бумаги, брошенные ящики. Люди неживыми тенями бродили среди этого запустенья, скучливо поглядывая в ту сторону, откуда должен был появиться катер.

В трех километрах от лагеря, по тряской и ненадежной луговине, пролегла дамба, ведущая на пристань. Там тархтели зерновозы, там ревели автомобильные сирены и бешеный прибой грохота не умолкал ни днем, ни ночью. Раньше, когда изыскателя были заняты работой, они как-то не замечали этого грохота. Теперь он особенно остро подчеркивал лагерное безделье.

Часы проходили томительно, как на вокзале. Профессор раз десять проверил свои подсчеты и каждый раз получалось так, что катер должен был прийти не позже пятого числа.

День отцвстал, медленно и вяло. Вечер был отмечен небольшим дождем. Потом навалился влажный сумрак. Катер не появлялся...

Он пришел только на третий день.

Обитатели лагеря встретили его, стоя на зыбких мостках.

Первым выскочил на мостки Василий Васильич Званцев, — командир катера.

Это был человек с белой бородой патриарха и сизым носом пьяницы. Оглаживая спутанную ветром бороду, Василий Васильич сразу отвел от себя все упреки за промедление.

Он сказал, что приказ о выходе в Кривушку был получен им в тот самый день, когда катер только что встал в затон для довольно основательного ремонта.

Из затона катер мог выйти только вчера в шесть часов вечера. Пройдя без остановки сто двадцать километров, Василий Васильевич подошел к пристани «Клин», чтобы забрать горючее. Здесь Василий Васильич столкнулся с директором Кривушинского зерносовхоза. Директор заявил, что он забирает катер, так как для перевозки хлебных грузов ему нужно мелкосидящее судно, которое могло бы плавать по Кривушке, буксируя паузок и две тоболки. Василий Васильич сказал директору, что он подчиняется только распоряжениям Госпароходства. Директор кинулся к телефону, соединился с кривушинским телеграфом и начал выкидывать какую-то телеграмму. Пока директор стоял у телефона, Василий Васильич отвалил от пристани и пошел в Кривушку.

Все это Василий Васильевич рассказал профессору, стоя на зыбких мостках, в то время как рядом с мостками покачивались узкий белый катер и грязный паузок.

* * *

Погрузка затянулась до вечера. Матросы понесли к мо-

сткам последний ящик, когда над обрывом возник зеленый Форд. Нина сразу узнала машину директора.

Выскочив из автомобиля, директор зашагал к тропинке, сбегаящей к мосткам. Матросы поставили ящик у самой воды и застыли в ожидании. Нина не смотрела на тропинку. Не видя ее, она все же чувствовала приближение директора.

Голос его прозвучал в напряженной тишине. Он поздоровался и протянул Василию Васильичу небрежно смятую бумажку.

— Вот вам приказ, — сказал он негромко.

Василий Васильич вынул из кармана потертый футляр, раскрыл его, извлек очки и оседлал ими свой сизый нос. Он поднес к глазам бумажку, и его желтые, обкуренные усы медленно зашевелились. Казалось, он хотел продлить минуты ожидания. Профессор нетерпеливо покусывал губы, директор слегка покачивался, привставая на носки и поскрипывая крагами, Нина старательно пряталась от внимательных, будто обшаривающих глаз Сергея Сергеича.

— Правильно, — крикнул вдруг старый капитан, — катериска мой, согласно приказу, поступает в распоряжение зерносовхоза.

Он хлопнул бумажкой по широкой ладони и поглядел на профессора поверх очков:

— Я доставлю вас на пристань Клин, а там вам придется пересечь на пароход.

Профессор резко обернулся к директору.

— Гражданин Лапша, я буду протестовать! Это издевательство над наукой!

Профессор задышался от гнева, лицо его покрылось белыми пятнами, рука, тербившая бороду, заметно дрожала. Нине были знакомы эти яростные взрывы.

Сжигая директора раскаленными угольками глаз, профессор кричал, что он не может допустить лишней перегрузки, так как он везет очень ценный материал и при перегрузке этот материал может очень сильно пострадать. Он кричал, что за его плечами двадцать пять лет научной ра-

боты и что люди, подобные гражданину Лаппе, губят русскую науку.

Директор выслушивал эти выкрики в полном молчании. Он стоял совершенно неподвижно и только пальцы его теребили полу рубахи.

Неожиданно профессор смолк. Директор поднял на него спокойные, внимательные глаза.

— Вы кончили? — спросил он тихо. Профессор пожевал губами, синеватые перепонки век медленно сомкнулись.

— Откричался! — шепнул Нине Сергей Сергеевич.

Директор шагнул вперед.

— Послушайте теперь, что я вам скажу. Наш совхоз должен выдать двадцать пять тысяч тонн зерна. От пристани Клин наша главная усадьба отделена расстоянием в восемнадцать километров. Мы имеем сорок трехтонных грузовиков и двадцать восемь полутонных. Мы можем выбросить на пристань не более трех тысяч тонн в сутки. Но для того, чтобы комбайны работали бесперебойно, мы должны выбрасывать не менее трех с половиной тысяч тонн. Положение очень серьезное. Мы стараемся использовать все возможности. Катер — одна из этих возможностей. Дело в том, что участок номер четыре, расположенный по берегу Кривушки, отстоит от пристани в сорока верстах. В смысле транспорта это наиболее трудный участок. Мы рассчитываем, что катер поднимет не только паузок, но и две-три лодки. Во всяком случае, до устья Кривушки он пойдет по течению и, следовательно, такую нагрузку выдержит. Паузок и две лодки — это около восемнадцати тонн. Катер заменит пять-шесть грузовиков. Расчет очень простой. Что касается издевательства, то это вы оставьте!

Директор слегка наклонился вперед, едва приметная улыбка тронула его губы.

— Издевательства вы оставьте, — повторил он, выпрямляясь и отбрасывая назад спутанные волосы, — поверьте, если б ваше дело для науки было первоочередным, я, наверное, не посягнул бы на катер. Не горячитесь, — директор предупреждающе поднял руку, — я уже говорил вам однажды: мы переживаем суровое время, страна борется за

хлеб, за железо, страна борется за свою жизнь, — эта борьба требует величайшего напряжения. Мы не хотим примириться с тем, чтобы эти силы расходовались не по прямому назначению. Это инстинкт самосохранения, — не больше и не меньше. Впрочем, что об этом толковать?

Директор обежал глазами временную пристань. Катер белый и легкий покачивался по одну сторону мостков, паузок встал по другую сторону. Матросы толпились у ящика, поставленного на влажную гальку. Они покуривали и равнодушно прислушивались к спору.

Рас слышав легкий смешок, директор обернулся к ним и резко крикнул:

— Кончайте погрузку, ребята!

Матросы перебросились какими-то фразами. Вероятно, они были смущены тем, что ими распоряжается посторонний человек. Но голос директора прозвучал так твердо, что послушаться было нельзя: матросы подняли ящик и осторожно ступили на мостки.

— Пойдем, — сказал директор, обращаясь к лагерным сидельцам. Сергей Сергеич подхватил свой чемодан. Профессор не двинулся с места. Директор посмотрел на него с легким недоумением. Безобразные перепонки совершенно закрыли профессорские глаза.

Директор объявил, что он проводит экспедицию до пристани Клин. Немного помолчав, директор спросил профессора, где он выбирает место — на катере или в паузке?

— Молодой человек, — отчетливо сказал профессор. — я прошу вас оставить меня в покое!

Он поднял узкие плечи и зашагал к мосткам. Он разминутся с матросами, перешагнул через борт паузка и сел на ящик. Он стал ждать.

* * *

И вот пришел час отплытия и катер вспенил мелкую волну. Река всплеснулась под днищем паузка. Берег, оран-

жевый от заката, поплыл навстречу путникам.

Профессор сидел на носу паузка, нахохлившись невеселой птицей. На маленькой палубе отчетливо вырисовывались фигуры директора и Нины. Они сидели у штурвальной рубки, свесив ноги за борт. По временам Нина поднимала руку, стараясь прихватить волосы, спутанные ветром. Профессор вспомнил строчку стихов, где он сравнивал эти волосы с медным знаменем.

Он не сердился на Нину. Он был встревожен. Он был встревожен, как человек, который не может припомнить, что же он такое потерял.

— Медное знамя, — бормотал он, — медное знамя...

Эта строчка возникла в то самое мгновение, когда он впервые увидел Нину. Тогда был сентябрь. Тогда все окна в аудитории были распахнуты и ветер вот так же ворошил волосы девушки, сидевшей на подоконнике. Казалось, это осень забрела в аудиторию, чтобы посидеть со студентами. В сознание профессора Нина вошла именно в этом образе осени. Он так и звал ее: — Девушка-осень.

Он отметил ее из ста двадцати юношей и девушек, наполняющих аудиторию шумом несдержанных шепотов и развязных движений. Он решил, что она на целую голову выше этого грубого плебейского скопища, которое, по его мнению, стремилось овладеть наукой из-за узко практических спекулятивных соображений.

Конечно, это было доверие, оказанное в кредит. Но она не пропустила ни одной его лекции и он окончательно укрепился в своем решении. Зимой, по окончании курса, он допустил ее в лабораторию.

С тех пор она прочно вошла в его жизнь. Она приходила в лабораторию, принося с собой острый запах мороза и яркое оживление молодости. Ее смех звучал, как удары льдинок.

Сбросив шубу, она сразу принималась за работу. Движения у нее были быстрые и точные. Белая спортивная шапочка, прикрывающая медные волосы, мелькала то в одном, то в другом углу. Склоняясь над тигельком, она озабоченно сушила бровь и немного по-детски приоткрывала

верхнюю губу.

В те дни, когда она не выходила на работу, лаборатория как-то сразу мрачнела. К счастью, это случалось не часто. Это случалось только в те дни, когда Нина бывала на других практикумах.

Главной своей работой она все же считала работу в лаборатории. Приверженность ее к минералогии была неподдельная. В этом отношении она настолько оправдывала надежды профессора, что он начал подумывать о ней, как о будущей своей преемнице. Сравнивая ее с Сергеем Сергеевичем, он находил, что она имеет на это гораздо больше прав, нежели Сергей Сергеевич.

Сергея Сергеевича он считал человеком узкой и односторонней направленности. В отличие от Сергея Сергеевича, Нина стремилась к широкому охвату заданной темы. Она не ограничивалась установлением тех или иных фактов, она старалась распознать ту общую идею, которая за этими фактами скрывается.

По всем признакам, из нее должен был сложиться тот тип ученого, которому профессор Крот отдавал особенное предпочтение, тип ученого-мыслителя.

Все это профессор Крот считал делом окончательно решенным. Жизнь Нины и жизнь Сергея Сергеевича теснейшим образом связывались с его жизнью.

Дав оскорбительный отпор директору зерносовхоза, он вошел в паузок с твердой уверенностью в том, что Нина и Сергей Сергеевич последуют за ним.

Сергей Сергеевич, действительно, вошел в паузок и Нина бросила свой саквояж рядом с чемоданом Сергея Сергеевича. Она занесла уже ногу над бортом паузка, но директор подхватил ее под локоть и что-то бормотнул ей на ухо. Она кивнула головой и повернулась к катеру. Перешагнув через мостки, она вспрыгнула на крохотную палубу.

Теперь они сидят у штурвальной рубки, — директор и Нина, — их ноги почти касаются волны, и ветер путает им волосы. Профессор, конечно, не сердится на Нину, но ощущение неблагоприятия не оставляет его с той самой минуты, когда Нина отвернулась от паузка.

Он сидит на своем ящике, — профессор Крот, — и бормочет что-то о медном знамени. Рядом с ним сидит Сергей Сергеич. Он равнодушно раскуривает трубку. Матрос в полосатой майке развалился на корме паузка. Он напевает вполголоса и по временам сплевывает за борт.

Между тем, день клонится к вечеру. Тень от берега перекрывает половину реки, трава, оранжевая от заката, заметно темнеет.

Спокойное раздумье осенних сумерек. Впереди вырывается мыс, отметивший устье реки Кривушки. За мысом огромным зеркалом застыл Иртыш.

Километр, еще километр. Катер огибает мыс.

— Пароход! — вскрикивает Сергей Сергеич. У берега, на котором белеют огромные цистерны, действительно, стоит пароход.

— Опоздали, — раздраженно бормочет профессор. Сергей Сергеич встает и, сведя ладони рупором, кричит во весь голос:

— Эй, на катере, поторапливайтесь!

На катере и без того поторапливаются. Высунувшись из штурвальной рубки, командир окрикает моториста.

— Давай полный! — доносится до паузка.

Катер режет волну. Теперь уже видно, что на пароходе идет погрузка. Грузчики длинной вереницей идут по трапу, сгибаясь под тяжестью мешков.

— Сто двадцать километров, — подсчитывает профессор, — восемь часов пути. Допустим, мы выйдем в девять вечера. Можно надеяться, что в городе мы будем в пять утра.

Нетерпеливые минуты ожидания. И вот катер подваливает к берегу.

— Сергей Сергеич, — говорит профессор Крот, — я пойду за билетами в кассу, вам придется проследить за перегрузкой.

Паузок встал у самого берега. Матрос в полосатой майке спустил нижний конец доски на сырую гальку. Профессор торопливо сбегает на берег.

Все в порядке. Погрузка еще не кончилась. Трап занят грузчиками. Профессор встает в очередь. Досадная задержка.

Профессор видит, как укрепляют паузок. Сейчас начнется разгрузка. Нина сходит с катера, опираясь на руку директора.

Очередь подвигается довольно быстро. Профессор обходит груды мешков и подбегает к кассе. Стук в окно. Кассир открывает деревянный щиток.

— Три билета второго класса до пристани Омск!

Кассир кивает головой и склоняется над таблицами.

— У нас есть багаж! — добавляет профессор.

— Сколько же у вас багажа?

— Центнеров двадцать пять.

Полное одутловатое лицо кассира внезапно строжеет.

— Мы не можем принять такой груз, — говорит он, отрываясь от таблиц.

Продолжительный и бесполезный спор.

— Обратитесь к капитану, — говорит кассир, пожимая плечами.

Профессор поднимается на верхнюю палубу. Капитан стоит на мостике, подняв воротник тужурки. Палуба почти пуста. Семь-восемь пассажиров сидят на лавочках, скупливо поглядывая на белые цистерны.

Профессор входит на капитанский мостик. Он бледен, губы его дрожат. Едва владея собой, он говорит о том, какое значение имеет его экспедиция. Он говорит о великой ценности материалов, собранных экспедицией. Нужно быть вандалом, чтобы отнестись к багажу ученого, как к багажу базарного сидельца.

— Ваш кассир, — говорит профессор Крот, — отнесся ко мне именно, как к базарному сидельцу.

— Хорошо, — прерывает профессора капитан, — но сколько же у вас багажа?

Профессор не видит нужды в том, чтобы преуменьшить вес своего багажа.

— Двадцать пять центнеров, — говорит он твердо.

Капитал жует губами, неподвижно глядя в одну точку.

— Двадцать пять центнеров, — повторяет он.

Короткое молчание.

Капитан вскидывает утомленные, слегка прищуренные глаза.

— Вынужден вам отказать, — говорит он невнятно, — мы и без того перегружены, я взял тысячу мешков зерна и должен взять еще четыреста. На следующей пристани я не возьму даже пассажиров.

Капитан натянуто улыбается, открывая бледные десны.

— Что тут поделаешь, — хлеб! — говорит он виновато.

— Хлеб! — бормочет профессор, спускаясь с мостика.

Сергей Сергеич, Нина и директор ждут его на берегу.

Он объявляет, что капитан не принимает багажа, а без багажа он, профессор Крот, поехать не может.

— Придется нам нанять возчиков, — говорит директор.

Профессор криво улыбается и поворачивается к нему спиной.

Тупое, тяжкое отчаяние. Профессор бродит по берегу, искоса поглядывая на директора и Сергея Сергеича. Они совещаются о возчиках.

Профессор слышит отдельные слова:

— Казаки... лошади... четыре хода.

К директору подходит коренастый человек в кожаной куртке.

— Это агент с нашей транспортной базы, — говорит директор Сергей Сергеичу, — он вам все устроит.

Директор дотрагивается до кожаного рукава агента и начинает ему что-то объяснять. Потом он подходит к Нине. Короткое рукопожатие, торопливо смятые слова и директор бежит к катеру, где его дожидается Василий Васильич.

Профессор бродит по берегу. Сейчас он не хочет видеть Сергея Сергеича. Он не хочет видеть Нину.

— Хлеб, — бормочет он тихо, — хлеб...

Пароход стоит, — белый и спокойный.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Профессор вошел в столовую, как в чужой дом. Стол был покрыт ослепительно белой скатертью, ярко начищенный самовар чуть слышно мурлыкал, прозрачные чашки поблескивали свежо и немного наивно, жена сидела у самовара, высоко подняв острые плечи. Все это казалось странным после костров, освещавших лагерные пни.

Улыбаясь из-под очков, жена спросила, хватило ли ему воды.

— Хватило! — ответил он нехотя. Ему нужно было бы сказать, что сто двадцать километров ухабистой дороги не прошли даром и что ванна не освежила его. Но усталость была слишком огромна. Он молча опустил на стул и придвинул к себе чашку. Жена заговорила. Потряхивая седыми буколками, она заговорила о дороговизне, о только что организованном распределителе научных работников и о прислуге, которая вконец «испортилась».

Профессор Крот дремал. Голос жены звучал издалека. Временами он как-то прорывался сквозь дрему и начинал бить в самое ухо. Профессор Крот слегка морщился и нехотя спрашивал себя:

— Откуда она взялась?

Каждый раз, когда он возвращался домой из длительной экспедиции, вещи представлялись ему новыми, а жена казалась чужой женщиной. Он смотрел на ее седые буколки, на лицо, иссеченное тонкими морщинками, он улавливал блеск ее очков и ему казалось странным, что она прожила рядом с ним двадцать лет.

Он редко говорил с женой. Он только слушал, и ее голос производил на него такое впечатление, будто в уши ему насыпают сухой песок.

Двадцать лет и даже больше: двадцать два. И каждый раз одно и то же: буколки, рыночные заботы, жалобы на прислугу и после этого разговор о научных, если можно так выразиться, новостях.

Сейчас жена занялась научными новостями. Она сообщает ему, что профессор Столов уезжает в Пермь, что Кочергины через неделю должны возвратиться с курорта, что профессору Брюну подсунули в ассистенты какого-то комсомольца.

— Обыкновенная история, — отзывается профессор Крот. Неизвестно, к кому относится это замечание, — к жене или к комсомольцу, которого подсунули в ассистенты.

Профессор Крот открывает глаза. Самоварный столик, столик для графина, буфет — вещи стоят на своих местах. Дверцы буфета слегка потерлись, они иссечены трещинами, как лицо жены. Все на своем месте. И даже газета лежит на решетке самоварного столика.

Профессор берет газету и пробегает глазами по ее серым полям.

Извещения. Легкий толчок в сердце.

— В семь часов вечера, — прочитывает профессор, — в аудитории музея состоится общее собрание отделения общества по изучению производительных сил Сибири. На повестке доклад товарища Грекова «Наука и социалистическое строительство».

Профессор смотрит на часы.

Пятнадцать минут восьмого.

Профессор допивает стакан, машинально целует руку жены и торопливо идет в переднюю.

* * *

Собрание уже началось, когда профессор Крот вошел в аудиторию. Появление его внесло некоторое замешательство. Оратор как-то странно запнулся, тишина сразу надломилась и все головы обернулись на одинокий звук шагов.

Пройдя между черными рядами скамеек, профессор встал у стены. Глаза его блестели от непонятого возбуждения. Он быстро оглядел собрание.

Профессор Столов, профессор Кролевец, профессор

Брюн, — все его сотоварищи по институту присутствовали здесь.

Профессор Столов, сидевший у окна, приветливо кивнул ему головой. Профессор Кролевиц перехватил его взгляд и улыбнулся своей болезненной и доброй улыбкой. Профессор Брюн оказал еще большее внимание: он подвинулся на скамейке и показал рукой на освободившееся место.

Эти малые знаки приязни слегка растрогали профессора Крота. Он подошел к Брюну и сел на указанное место. Скамейка прикрыла их рукопожатье. Профессор Брюн наклонился к нему и, распространяя запах испорченных зубов, шепотом спросил, давно ли он приехал.

— Сегодня, — прошептал профессор Крот. Слегка откачнувшись в сторону, он внимательно посмотрел на оратора. Оратор, высокий, плотный, розовощекий юноша, успел уже овладеть вниманием собрания. Он говорил о том, что доклад товарища Грекова не принадлежит к числу тех докладов, которые можно выслушивать с академическим бесстрашием. Советские ученые должны рассматривать свою работу как участок социалистического строительства. Лишь при этом условии они будут советскими не только по названию, но и по существу.

— У нас, — говорил оратор, — имеется довольно значительная группа ученых, которые горделиво считают себя представителями чистой, внеклассовой науки. Они рассуждают примерно так: мы являемся гражданами Советской России, как таковые, мы признаем ее власть. Но коль скоро мы переступаем порог своей аудитории, мы становимся учеными, далекими от интересов всяческой политики. С нашей точки зрения, теория внеклассовой науки является одной из наиболее вредных иллюзий. Мы яростно с ней боремся, потому что подобные иллюзии мешают включению работников науки в социалистическое строительство. Под влиянием этой иллюзии некоторые из работников науки начинают думать так, что они существуют сами по себе, а социалистическое строительство существует само по себе. Теория внеклассовой или чистой науки вредна потому, что она оправдывает отрыв науки от практики. В на-

стоящее время каждому пионеру известно, что грандиозный план социалистического строительства покоится на фундаменте строго выверенных научных данных. Осуществление этого плана связано с разрешением ряда научных проблем колоссальной важности. Отсюда ясно, какой ущерб был бы нанесен социалистическому строительству, если бы наша наука стала его саботировать.

Оратор вскинул руку:

— Еще одно замечание, — когда наука отрывается от практики, — этот отрыв вреден не только для практики, — он вреден и для науки. Вот небольшой пример: во время войны Германия, как известно, была отрезана от всего мира. Несмотря на это, Германия сумела весьма продолжительное время продержаться против всего мира. Одна из главных причин стойкости Германии — это мощная деятельность немецкой науки, которая мобилизовала себя на сто процентов. У немцев не было, например, нефти. Нам известно теперь, какое огромное значение имела нефть в мировой войне. Как же немцы обошлись без нефти? Война призвала на помощь синтетическую химию. Немецким ученым удалось получить нефть из каменного и бурого угля. Встав на службу практике, наука необычайно обогатилась. В нашем примере, в результате практической деятельности ученых, призванных обслуживать военную промышленность, можно отметить превосходную разработку всех процессов полукоксования. Наряду с открытием способа добывания нефти из каменного угля, можно было бы отметить разработку методов окисления парафина в целях получения из парафина искусственных жиров. Все эти достижения обусловлены тем, что наука тесно связалась с практикой. Конечно, наш пример очень условен. Практика войны не может быть сравнена с практикой социалистического строительства. Связь науки с практикой социалистического строительства — неразрывная и жизненная связь, — дает нам право гордиться нашей наукой и нашими учеными.

Сухой треск аплодисментов прокатился по залу. Юноша повернулся и, глядя под ноги, медленно сошел с трибуны.

Профессор Брюн наклонился к профессору Кроту, наполняя его уши свистящим шепотом:

— Это мой новый ассистент, — из комсомольцев, знаете!..

— Он неплохо говорит, — прошептал в ответ профессор Крот, — очень убежденно и логики у него достаточно.

— Говорить-то они умеют, — совсем тихо прошелестел профессор Брюн, — говорить-то они умеют, а вот на работе как!

— А вы его испытали? — неприятливо спросил профессор Крот, заглядывая в одутловатое лицо собеседника. Миролюбие, вызванное тем, что он долго не видел профессора Брюна, уже улетучилось. Гнилостный рот профессора Брюна вызвал у него тошнотное чувство. Маленькие, коричневые глазки собеседника казались ему изюминками, воткнутыми в сырое тесто.

Не дожидаясь ответа, он отодвинулся от профессора Брюна и стал смотреть на трибуну.

На трибуне стоял профессор Столов.

Опустив глаза, оглаживая пышную бороду, он произносил уклончивые, длинные и путаные фразы. Он говорил о том, что у него нет разногласий с предыдущим оратором и что ему нужно только дополнить выступление предыдущего оратора несколькими поправками.

— Я, — говорил профессор Столов, — не стану, конечно, спорить против того, чтобы наука была увязана с практикой. Больше того, я считаю невозможным существование науки вне связи с практикой. Поэтому я вынужден усомниться в существовании той чистой науки, о которой говорил предыдущий оратор. Науки, которая так или иначе не была бы связана с практикой, по моему, нет. Возьмем такую дисциплину, как математика. Ее, как будто, можно отнести к тому, что предыдущий оратор называет чистой наукой. В самом деле, какая связь между социалистическим строительством и математиком, который интегрирует и диф-

ференцирует? На первый взгляд никакой связи, как будто, нет. Но это только на первый взгляд. Последуем совету Кузьмы Пруткова и посмотрим в корень. Возьмем такой факт, как постройка мостов. Мы осуществляем этот факт в порядке социалистического строительства, в то время как вышеупомянутый профессор занимается своими вычислениями весьма отвлеченного порядка. С точки зрения товарища, который говорил о чистой науке, этот математик заслуживает только презрения. Но представьте себе, что этот математик, вычисляющий годами, найдет такую формулу, которая совершенно изменит обычный порядок инженерных расчетов, предваряющих постройку мостов?

Профессор Столов эффектно смолк и обежал собрание победительным взглядом. Профессор Крот весь как-то взъерошился и слегка даже привстал. Он приготовился бросить одобрительную реплику, как вдруг плотный бумажный комок ударил его в щеку. Обернувшись в ту сторону, откуда был брошен комок, профессор увидел долгового и необычайно худого человека. Он стоял у книжного шкафа, лицо его, отмеченное острыми скулами, показалось профессору странно знакомым.

Их взгляды встретились. Человек улыбнулся, открывая черные просветы выбитых зубов. Профессор вспомнил того репортера, который столь усердно хлопал при отправлении Кривушинской экспедиции.

Он разгладил смятую бумажку и поднес ее к глазам.

— Уважаемый профессор, — прочитал он, — мне необходимо **сегодня же** поговорить с вами об итогах Кривушинской экспедиции. Газета очень интересуется этим делом. Не сможете ли вы после заседания уделить мне для небольшого интервью минут пятнадцать-двадцать?

— Началось! — подумал профессор Крот. Он перевернул записку и на обратной стороне написал:

— Я сделаю на сегодняшнем собрании маленькое сообщение о предварительных итогах экспедиции. Все интересующие вас сведения...

Ему пришлось оборвать строчку, потому что профессор Столов назвал его имя.

Он поднял голову.

— ... на примере профессора Крота, — говорил профессор Столов, — мы можем видеть, как наши ученые включаются в социалистическое строительство. Нам известно, что до сих пор Петр Карлович возглавлял экспедиции геологического характера. Если бы мы захотели быть точнее, нам пришлось бы сказать, что в лице Петра Карловича, когда он руководил экспедицией, мы имели не столько геолога в широком значении этого слова, сколько палеонтолога. Как только интересы социалистического строительства потребовали того, чтобы Петр Карлович взял на себя руководство экспедицией по обследованию апатитов в Кривушинском районе, — он тотчас же встал во главе экспедиции. Мне кажется поэтому, что лучшим выступлением по вопросам сегодняшнего собрания было бы выступление Петра Карловича. Я предлагаю собранию: просить Петра Карловича сделать предварительное сообщение об итогах Кривушинской экспедиции.

Профессор Столов смолк. Возникло короткое молчание. Потом кто-то крикнул: — Просим! Просим!

Нестройный гул мгновенно вытеснил тишину.

* * *

Голос профессора Крота прозвучал жестко и скрипуче.

— Считаю нужным предупредить собрание, — торопливо начал он, — мое сообщение будет весьма неполным, так как материалы нашей экспедиции еще не обработаны. Профессор Столов говорил здесь об апатитах. Мне меньше всего придется них говорить. Дело в том, что в процессе работы резко изменилось само ее направление. Я буду краток. В докладе о работах экспедиции, который я надеюсь в недалеком будущем предложить вниманию общества по изучению производительных сил Сибири, — в этом докладе будут приведены исчерпывающие сведения об организации экспедиции и о методах ее работы. Сейчас я ограничусь

только кратким перечислением фактов. К месту работы наша экспедиция прибыла двадцать второго июня. Уже через три недели, то есть, в половине июля, мы произвели сорок скважин и нам стало совершенно ясно, что кривушинские апатиты не имеют промышленного значения.

Собрание шевельнулось. Легкая дрожь, казалось, потрясла зал.

— Я не буду приводить цифр, — проговорил профессор Крот с деланным, слегка напыщенным спокойствием, — сейчас я могу только сказать, что мы охватили обследованием площадь в шестьдесят гектаров. Можно было бы перенести обследование и за пределы этих шестидесяти гектаров, но это не изменило бы итогов. Вывод остался бы прежний, а именно: кривушинские апатиты не могут быть использованы в интересах местного сельского хозяйства. Разумеется, в результате дальнейшего обследования мы получили бы дополнительные материалы в виде новых цифр. Эти цифры могли бы уточнить наш вывод, но они не изменили бы его существа. С сознанием полной ответственности за свои слова, я заявляю настоящему собранию: при современном состоянии обогатительной техники кривушинские апатиты, безусловно, не могут пойти в эксплуатацию. Я говорил уже о том, что в процессе работы нашей экспедиции направление самой работы весьма резко изменилось. Пятнадцатого июля, — в тот самый день, когда мы подвели предварительные итоги нашей работы, в лагерь экспедиции явился из местного совхоза пионер, сообщивший нам, что в трех километрах от лагеря, на так называемом Красном Яру, произошел обвал, вследствие которого обнажились кости какого-то ископаемого. Пионер провёл нас к обрыву. По счастливой случайности, обвал обнажил костеносный пласт, совершенно не затронув костяка. Некоторые кости заметно выдавались из стены обрыва. На следующий день мы перенесли лагерь к Красному Яру и приступили к съему пустых пород. Четырнадцатого августа мы добрались до костеносного пласта. Сохранность костей оказалась превосходной. Это очень ускорило темп их обработки. Пятого сентября мы упаковали ящик с последней

костью, одетой в глиняный кожух. — Теперь я перейду к характеристике достижений нашей экспедиции.

Глаза профессора Крота, блеснувшие из-под опущенных ресниц, быстро обежали собрание.

— Дорогие коллеги, я счастлив доложить вам, что экспедицией найден скелет индрикотерия.

Одинокий аплодисмент прозвучал, как смех на похоронах. Профессор Крот медленно побелел. Что могло означать это напряженное молчание? Может быть, они впервые слышали об индрикотерии?

Слабая надежда вернула ему видимость спокойствия.

Он выпрямился.

— Должен напомнить собранию, — сказал он, отчеканивая каждое слово, — в России индрикотерий впервые был найден студентом Гайлитом в Тургайской степи. Тогда тургайская находка взволновала весь ученый мир. Индрикотерий был найден на поверхности и кости его подверглись сильному разрушению, так что препараторам Академии наук во главе с уважаемым академиком Борисяком пришлось для его восстановления проделать прямо ювелирную работу. В настоящее время скелет индрикотерия украшает залы Геологического музея Академии наук. К сожалению, череп этого скелета не полон. Вообще говоря, мы до сих пор не имели цельного черепа индрикотерия. Нашей экспедиции удалось получить полный череп.

Профессор Крот на мгновенье смолк. Ни одного знака одобрения! И это после стольких трудов! Безучастность аудитории становилась неприличной:

— Череп, полученный нами, имеет прекрасную сохранность. Osteологические его признаки, несомненно, свидетельствуют о том, что мы имеем дело со скелетом индрикотерия. Здесь достаточно будет сказать, что нижняя часть черепной коробки характеризуется удлинённой формой, — признак, свойственный всем примитивным носорогам, к каковым принадлежит индрикотерий. Черепная крышка также построена по типу носорога, то есть сагиттальный гребень с желобком по средней линии непрерывно переходит в надглазничные ребра. Эти признаки настолько харак-

терны, что они совершенно исключают возможность какой бы то ни было ошибки. Должен также сказать: за пятьдесят пятым градусом северной широты находка нндрико-терия отмечается впервые. Я не буду говорить о чисто научном значении этой находки, но я хотел бы сказать, что мне, человеку, любящему Сибирь, эта находка доставляет величайшее удовлетворение. Отныне при виде прииртышских степей, кое-где одетых чахлыми березовыми колками, я получаю право с чувством глубокого волнения думать о том, что в третичный период на месте теперешних колков шумели чащи субтропического леса.

Профессор Крот чуть приметно поклонился и медленно сошел с трибуны. В зале сразу задвигались, зашептали, зашумели. Прошагав между черными рядами, профессор Крот опустил на скамейку рядом с профессором Брюном. Председатель крикнул:

— Слово предоставляется товарищу Алыгезову!

Коренастый плотный человек соскочил с подоконника. Сапоги его прогрохотали через весь зал. Коренастым пнем он вырос над трибуной, широкие ладони легли на ее черное дерево, из-под лохматых бровей глянули раскосые, глубоко посаженные глаза.

Профессор Крот весь как-то потянулся к этому человеку, который, казалось, пришел от костров его юности. Он живо напомнил ему якутскую ссылку с бесконечными блужданиями по тайге и путешествиями по безлюдным речкам. Алыгезов, несомненно, был таежником. Глядя на его широкие плечи, профессор Крот восхищенно думал о том, что этот человек, вероятно, убил не одного медведя.

— Товарищи, — пророкотал Алыгезов густым, раскатыстым басом, — я, стало быть, человек неученый и по-ученому разговаривать не умею. Я расскажу один, как говорится, случай из практики. В прошлом году, осенью, когда я был председателем в одном из ойратских аймаков, мне пришлось побывать на Телецком озере. Я, конечно, прихватил с собой ружьишко. Поохотиться мне пришлось только раз, но зато во время охоты нашел я камень, который показался мне подозрительным. Я этот камень взял с собой и,

по приезде в Улалу, послал в Омск, в Геологическую разведку. При камне было письмо, в котором я просил попытать камень на содержание меди. Через два месяца получен был ответ; разведка сообщает, что присланный образец содержит медь, но что просьба моя о посылке экспедиции на Телецкое озеро может быть исполнена только в будущем году. На том дело и покончилось. В нынешнем году, по приезде в Омск, я первым делом зашел в разведку. Спрашиваю, когда будет послана экспедиция. Мне отвечают: — Пошлем только в будущем году, в текущем году предполагали послать профессора Крота, но после его направили в Кривушку, заменить же его в Телецкой экспедиции совершенно нечем. Я тогда не шибко обиделся: — Ну, думаю, — апатиты вещь важная, — пускай профессор этот вопрос проработает. Теперь, когда я прослушал доклад, меня просто зло взяло. Вы только подумайте, на обследование медных месторождений некого послать, — значит, нехватка научной силы. И вот в условиях этой нехватки научная сила расходуется на поиски допотопных носорогов. Как расценить этот факт? Опять скажу: я человек неученый, — говорю это не в похвальбу, а с большим сожалением. Особенно я жалел об этом, когда мне приходилось бывать на Алтае. У меня, товарищи, есть какое-то предчувствие, что Алтай богат медью, серебром, цинком. Но какая цена этому предчувствию? Советская власть не согласится строить алтайские заводы на том основании, что у товарища Алыгезова предчувствие. Тут, товарищи, нужна наука. Я, товарищи, уважаю науку. Но я не уважаю ту науку, которая в период напряженнейшего социалистического строительства занимается зряшными делами. Я не хочу сказать, что допотопные носороги не нужны для науки. Они, конечно, нужны, но для них надо знать время. Время, товарищи, — это надо понять!

Алыгезов тряхнул косматой головой, и аплодисменты прокатились по залу. Профессор Крот опустил глаза, — он избегал чужих взглядов, ему было бы одинаково тяжело читать в этих взглядах жалость или смех.

Он слышал, как прогрохотали сапоги Алыгезова. Потом председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Воронцову!

Профессор Крот слегка пожал плечами. Нет, он не ослышался: к трибуне пробирался Сергей Сергееч. Но о чем будет говорить этот спокойный человек, никогда не выступавший на собраниях?

Тишина, ожидание, отчетливый звук шагов. Он в самом деле будет говорить. Он встал перед черной кафедрой в привычной позе оратора. Что с ним стало, — с Сергей Сергеечем? Он медленно распрямляет плечи и заводит руки за спину.

— Товарищ Алыгезов, — говорит Сергей Сергееч, — признавался здесь в том, что он человек неученый. Считаю необходимым заявить: хотя товарищ Алыгезов человек неученый, — он обнаруживает достаточно полное понимание тех задач, которые стоят перед наукой. Но товарищ Алыгезов все же слишком сурово относится к допотопным носорогам. Я думаю, — мне не надо доказывать вам, что наша находка имеет большое значение для геологической науки. То обстоятельство, что сообщение об этой находке встречено здесь нехорошим и даже зловещим молчанием — это обстоятельство объясняется, по-моему, двумя причинами: во-первых, собрание дождалось сообщения об апатитах и носорог был сильно разочаровывающей неожиданностью, во-вторых, сам тон сообщения профессора, очевидно, раздражил собрание. В самом деле, профессор Крот восхищался здесь тем, что в третичный период на месте теперешних березовых колков шумели пышные субтропические леса. Любовь к красивому словцу, которая как вы знаете, присуща нашему профессору, весьма чувствительно его подвела. Я не буду говорить о субтропических лесах.

Я должен напомнить собранию, что работы нашей экспедиции проходили в районе Кривушинского зерносовхоза, занимающего нейтральное положение в системе прииртышских зерновых фабрик. Считаю нужным обратить на это ваше внимание.

Общая площадь прииртышских зерносовхозов выражается солидной цифрой в шестьсот пятьдесят тысяч га. Северная половина этого огромного массива лежит еще в области лесостепи. По мере продвижения на юг березовые колки встречаются реже. Южная часть массива лежит уже в чисто степной области. Большинство южно-иртышских совхозов развернулись на целинных землях. Почва — бедный гумусными веществами чернозем. Этот чернозем, при отсутствии какой бы то ни было смены культур, быстро истощится. Я вполне согласен с одним работником зерносовхоза, который утверждает, что проблема искусственных удобрений для такого зерносовхоза, как Кривушинский, станет актуальной через три, через четыре года.

Сергей Сергеич свел ладони и торопливо откашлялся.

— Товарищи, вам, конечно, известно, как у нас обстоит дело с удобрениями. Сибирь может производить калийные и нитратные удобрения. Что касается фосфоритов, то поиски в этом направлении до сих пор не дали благоприятных результатов. Сейчас стали поговаривать о ввозе в Сибирь хибинских апатитов. Здесь думают воспользоваться Карской экспедицией. Но при этих условиях апатиты обойдутся нам слишком дорого.

Отсюда понятен огромный интерес, с которым советская общественность отнеслась к кривушинским апатитам. В организации нашей экспедиции большое участие приняла местная газета, а также местное ученое общество. Наша экспедиция была превосходно обставлена, но основную свою установку она все же не выполнила.

Сергей Сергеич внимательно оглядел зал. Знакомые лица проплыли перед ним. Глаза его остановились на профессоре Кроте. Он слегка прищурился.

— Профессор Крот может сказать, что судьба кривушинских апатитов зависит не от его воли, а от тех цифр, которые получены в процессе рекогносцировочного обследования. Такую постановку вопроса я посчитал бы неверной. Я не хочу, конечно, сказать, что цифры вещь пустяковая. Напротив, именно на цифры я хочу обратить ваше внимание. Профессор Крот говорил здесь о том, что обследованием

было охвачено шестьдесят гектаров. Мы, действительно, обследовали шестьдесят гектаров, выводы профессора обоснованы именно на материале этого обследования. Здесь-то и возникает вопрос: — а не могли бы измениться выводы профессора, если бы обследованием было охвачено не шестьдесят гектаров, а допустим — сто шестьдесят! Такую площадь мы могли бы охватить, если бы, как выражается профессор, направление нашей работы не изменилось. Лично я такую возможность, то есть возможность изменения выводов, допускаю, может быть, эта возможность не очень большая, но меня все же гнетет сознание непоправимой ошибки. Можно согласиться с профессором, когда он говорит, что кривушинские апатиты сомнительны, но работу с ними все же нужно было продолжать, потому что, — повторяю, — какая-то возможность для обратного вывода несомненно была. Почему же профессор Крот оставил эту возможность неиспользованной? Профессор Крот не использовал эту возможность, потому что все его внимание переключилось на индрикотерия. Это легко понять: индрикотерий — штука эффектная, апатиты — ни то, ни се, потому что неизвестно, будет ли с ними толк.

Сергей Сергеич слегка наклонился вперед. Ему было трудно говорить. Он был очень бледен. Напряженная нелюбовная зала заметно его волновала.

— Конечно, товарищи, я не могу обвинить одного только профессора Крота за неиспользование этой возможности. Здесь есть доля и моей вины. Я должен был бы убедить профессора в том, что в данной обстановке, в данных конкретных условиях нам нужно до более подходящего момента отказаться от раскопок индрикотерия ради выполнения нашей основной задачи — задачи подробного обследования апатитов. Я этого не сделал и сейчас считаю это своей ошибкой.

Сергей Сергеич поднес руку к воротнику куртки. Пальцы его дрожали. Он расстегнул воротник и резко выпрямился:

— Здесь много было произнесено слов о науке и социалистическом строительстве. Слова эти были достаточно от-

влеченны. Один только товарищ Алыгезов привел конкретный пример с профессором Кротом. Я тоже хочу остановиться на конкретном примере. Я говорил уже собранию, насколько остра фосфорная проблема. Судьба сельского хозяйства Сибири и в частности судьба прииртышских зерносовхозов в большой степени зависит от разрешения этой проблемы. Кривушинские апатиты имеют большое значение, но к их обследованию профессор Крот подошел слишком поверхностно. Профессор Крот не захотел заниматься кривушинскими апатитами потому, что при современном состоянии обогатительной техники они не могут иметь промышленного значения. Мне кажется, профессор забывает, что современная техника развивается необычайно бурными темпами. Я вполне допускаю, что в течение ближайших трех-четырёх лет техника обогащения фосфоритов резко сдвинется вперед. Она должна сдвинуться, потому что этого требуют интересы социалистического строительства. И как только это произойдет, выводы профессора Крота в отношении кривушинских апатитов будут решительно опровергнуты.

Взрыв аплодисментов потрясает музейные стены. Сергей Сергееч вынимает платок. Он хочет что-то сказать, он поднимает руку, но шум не прекращается. Он безнадежно улыбается и, вытирая лоб, сходит с трибуны. Председатель, постукивая карандашом по горлышку графина, вызывает следующего оратора.

Следующий оратор повторяет предыдущего. Профессор Крот раздраженно хмурится. К чему эта словесная жвачка? Он один здесь среди этих людей, которые смеются над ним или же оскорбительно его жалеют.

Газетный репортер — единственный, пожалуй, человек, у которого нет ни смеха, ни жалости. У него ничего нет, кроме записной книжки. Он как сейсмограф. Он регистрирует колебания почвы.

Профессор Крот смотрит на репортера и думает о том, что теперь его освободят от интервью. В этом — единственное преимущество его положения. Он улыбается репортеру и беззвучно шепчет:

— Строчите, коллега, строчите!

Пятый оратор сменяется шестым. Все упреки давно произнесены, но шестой все же повторяет:

— Поступок профессора Крота должен быть решительно осужден!

Профессор Брюн склоняется к профессору Кроту. Его одутловатое лицо пылает возмущением.

— Что они понимают, свинопасы! — шепчет он тихо.

Профессор Крот церемонно улыбается. Он благодарит за участие. Он говорит о том, что это участие особенно ценно, потому что оно исходит от ученого, являющегося автором двухтомной монографии о скакунах и жужелицах Тобольского севера.

Профессор Брюн бледнеет: что это, бестактность или издевательство? Неужели профессор Крот не знает, что не больше как месяц тому назад в местной газете напечатан ругательный фельетон об этой самой двухтомной монографии?

Профессор Брюн демонстративно отодвигается. Профессор Крот вскакивает и устремляется к выходу. Он проходит мимо изумленных зрителей. Репортер вскидывает на него близорукие глаза. Он кланяется репортеру и стремительно шепчет:

— До свиданья!

* * *

Потная, рыхлая ночь притаилась на улицах. Только что прошел дождь. Капель еще падает с крыш, лужицы тускло поблескивают.

Тишина, сырость, запах опавшей листвы. Профессор рад своему одиночеству. Он может теперь подумать о том, что с ним произошло. Еще не все потеряно. В конце концов, этого нужно было ждать. Его удивляло только выступление Сергей Сергеича. До сих пор он знал Сергея Сергеича, как скромного молодого человека. То, о чем он говорил на соб-

рании, удивило профессора, но не обидело его. Сознание непоправимой катастрофы было вызвано чем-то иным.

Профессор Крот остановился на краю лужицы. Одинокий прохожий взглянул на него и прошагал дальше.

Профессор Крот машинально обошел лужицу. Кто-то окликнул его.

Он обернулся. К нему, рука об руку с директором Кривушинского зерносовхоза, шла Нина.

Он обрадовано улыбнулся: ему стало понятно: Нина — только она одна может освободить его от смутного ощущения катастрофы.

Он шагнул к ней навстречу.

— Едва вас нашла, — проговорила Нина, войдя в светлый круг фонаря. — Вот в чем дело, Петр Карлович. Я должна вам сказать, что с завтрашнего дня я не смогу у вас работать.

— Почему? — пробормотал профессор Крот. Он почувствовал недоброе, как только увидел ее лицо, показавшееся ему странно незнакомым.

— Дело в том, Петр Карлович, что я организовала группу студентов и эта группа с завтрашнего дня начинает ударными темпами изучать методы полевых почвенных обследований. Разумеется, мы проработаем также почвенный анализ, и весной, как только начнется практика, по договору с товарищем Лаппой (Нина кивнула на директора), — поедем в Кривушинский зерносовхоз.

— Очень хорошо, — пробормотал профессор Крот. Он поклонился и, соединив Нину и директора одним взглядом, тихо добавил:

— Желаю успеха!

* * *

У моста неуклюже покачивались лихтера Карской экспедиции. Белые лучи прожекторов скрестились над ними, сгорбленные фигуры двигались по широким трапам, же-

лезные руки лебедек тянулись к берегу. Они несли какие-то грузы. Быть может, они несли хибинские апатиты.

Профессор Крот не знал этого. Он стоял на мосту, подняв воротник плаща. Под ним струилась река, большая и спокойная.

Каланча обронила одиннадцать ударов. Где-то в затоне проревел пароход. Профессор вынул часы и, не посмотрев на циферблат, сунул их обратно.

Потом он побрел.

Он прибрел в институт, — тяжелая дверь хлопнула. Не ответив на поклон сонного швейцара, он прошагал по вестибюлю и поднялся во второй этаж. Пройдя по коридору, он остановился у белой двери, на которой чернела дощечка с надписью «Геологический музей».

Улитка уходила в раковину. Ему нужно было отсидеться от дум. Геологический музей был его раковиной.

Он отпер дверь. В передней было темно. Он ощупью повесил шляпу и прошел в кабинет. Луна дробилась на холодном паркете. Он дал свет. Холодные грани кристаллов блеснули на его столе. Он медленно оглядел комнату. Ничто не изменилось за время его отсутствия. Мраморные олени бежали по бархатному полю скатерти, шаманская ковровая гагара распласталась над столом, сабля сибирского землепроходца мирно ржавела над продавленным диваном.

Профессор удовлетворенно гмыкнул. Раковина ждала его. Диван предлагал ему дружественные объятия.

Внезапно он вздрогнул. В простенке между книжными шкафами он увидел поясной портрет якута из Назимовского улуса. Ему показалось, что якут похож на товарища Алыгезова.

Так Алыгезов настиг его. Все стало ясным. Алыгезов поразительно походил на якута и это живо напоминало профессору образы якутской ссылки.

— Время надо понять! — пробормотал профессор Крот.

Очень странно! Алыгезов произнес ту самую фразу, которая была написана на транспаранте, висевшем в его студенческой комнате. Он сам выписал ее из какой-то книги. Там она звучала несколько иначе.

— «Время надо чувствовать», — сказано было там, — «лодка жизни только тогда ждет вперед, когда время наполняет ее парус попутным ветром».

Ветер времени, — он его чувствовал! Ветер был с ним в те ночи и дни, когда он поджидал смерть. Ветер был с ним, когда он шел в якутскую ссылку.

И после, когда он возвращался из ссылки, чувство времени не оставляло сто.

За годы ссылки сверстники его сильно продвинулись вперед. Они стали довольно известными врачами иль довольно приметными адвокатами. Они стали тем, что тогда называлось «люди с положением». У него не было положения. Он был человеком погубленной карьеры. Его это мало огорчало. Он не завидовал сверстникам. Он знал, что время было не с ними. Мышь беготня их жизни смешила его. Он шел своим путем. Годы ссылки не были для него потерянными: в Якутии он стал поэтом. Он стал также ученым. Его не смущало пренебрежение, с которым относились к нему поэты. Он знал, что иначе не могло быть, потому что они воспевали изысканность, а он воспевал тайгу и древних пращуров. Его не смущало также недоверие ученых. Они не доверяли ему потому, что он был человеком без положения. Кроме того, он писал стихи и одевался, как лейтенант Глан.

Все это нисколько его не волновало.

Он одинаково смеялся над поэтами и над учеными. Он не ходил к ним и не пускал их к себе. Он жил один. Его лето было посвящено экспедициям. Зимой он замыкался в кабинете. Его время принадлежало стихам и науке.

Он презирал собратьев по институту с их никчемными монографиями о скакунах и жужелицах. Он переносил только общество своих учеников. Он надеялся поднять их до горных вершин одиночества. Так он жил, — ученый поэт.

Он жил так до того часа, когда вокруг раздался близкий гул катастрофы.

Он еще не знал, что с ним произошло. Было только известно, что время покинуло его. Как-то раз на вершине горы он видел однобокое дерево. Все ветви этого дерева

были обращены в ту сторону, которая была закрыта от суровых ветров. Он был похож на такое дерево. Он слишком долго прозябал в кабинете, защищенный от ветров жизни.

И вот время его покинуло. Оно покинуло его не вчера и не сегодня. Нина не захотела встать с ним рядом, потому что у нее сохранилось чувство времени.

Неизвестно еще, что с ним будет. У него нет еще двухтомной монографии о скакунах и жужелицах. Но она может появиться.

Она может появиться, потому что ветер его покинул, — ветер времени.

* * *

Он распахнул двери, ведущие в музей.

Знакомое зрелище предстало перед ним.

Серебро луны блестело на паркете и на стекле витрин. Птеродактиль разбросал по стене черные крылья. Мамонт занес над паркетом белую ногу. Казалось, это был не музей, а затонувший мир. Лунь сомкнулась над ним, как вода океана.

Профессор постоял перед мамонтом.

— Стоишь? — сказал он, похлопывая его по бедру. Мамонт не ответил.

Профессор подошел к окну. Прямо перед ним встала полуразрушенная стена крепости и легкая арка ворот. В просвет арки он увидел луну, изыбшую и круглую. Он увидел также реку, покачивающую колыбели барж. Ночная работа шла. Железные руки лебедек несли на берег заморские грузы. Быть может, они несли апатиты.

Профессор не знал этого. Ему было холодно. Дыхание его осело на стекло седой дымкой. Он вдруг заметил, что руки его затянуты в перчатки.

Протянув палец, он вывел на седой дымке: «Безрогий носорог».

Новосибирск 1931 г.

Приложения

ОБЕЗРОЖЕННЫЙ «НОСОРОГ»

[В] № 11-12 «Сиб. Огней» за 1931 год помещена повесть М. Никитина — «Безрогий носорог». Сравнительно с последним беллетристическим произведением того же автора — «Суданский негр» — «Безрогий носорог» несомненный шаг вперед.

Видно, что автор пытается понять нашу современность, понять значение нашей эпохи и происходящих в ней событий. Но пытаться это не значит еще понять правильно и на все, как говорят, сто процентов, и в «Безрогом носороге» есть ряд существенных промахов.

Сущность повести заключается в том, что некий проф. Крот, в прошлом либерально настроенный к революции интеллигент (в 1905 году, видя черносотенную демонстрацию «негодует» и стреляет в нее с балкона, за что попадает в ссылку), в наши дни профессор геологии, назначается начальником геологоразведочной экспедиции, задача которой заключается в том, чтобы найти месторождения апатитов (вещества, необходимые для удобрения почвы). В процессе работы профессор приходит к выводу, что местные апатиты не имеют промышленного значения. В это время пионеротряд сообщает ему, что недалеко от стоянки экспедиции, в «Красном Яре», произошел обвал и видны кости какого-то скелета. Профессор идет на место обвала и устанавливает, что это скелет древнейшего животного индрекотерия <sic!>.

После чего экспедиция целиком переключается на раскопки скелета.

Профессор мечтает о том, что научный мир и общественность с энтузиазмом встретят его находку, но когда скелет прибывает на место, получается совсем обратное. Находку профессора встречают холодно, так как для социалистического строительства важнее апатиты, чем скелет индрекотерия.

Главная мысль повести заключается в том, чтобы показать, что наука не для науки, как это проповедуют буржуазные идеологи, скрывая под этой проповедью свое истинное классовое лицо, что наука является классовой, а раз классовой, значит, не аполитичной, не нейтральной по отношению всей окружающей ее жизни. Показать, что чудачки, подобные проф. Кроту, считающие

науку несовместимой с политикой, с классовый борьбой, объективно помогают врагам рабочего класса. Показать, что нейтральность, аполитичность тоже своего рода политика, только в замаскированной форме.

Как же Никитин справился с этой важной и ответственной задачей? Мне кажется, что он с ней справился недостаточно. Большим и, пожалуй, главным недостатком повести является то, что в ней совершенно не показана классовая борьба в науке. Наряду с «заблуждающимся» ученым, искренно верящим в аполитичность науки, не показаны явно реакционные элементы, сознательно использующие науку в классово-враждебных нам целях. Получается впечатление, что в среде наших научных работников есть просто наивные люди, наподобие Крота, которые, усвоив старый взгляд на науку, не понимают происходящих в наше время событий — и совсем не видно тех, кто под маской лояльности, забравшись в наши институты, академии и вузы, пытаются вести контрреволюционную работу.

Не менее важным недостатком является и то, что Никитин не показал в противовес Кроту ученого коммуниста, являющегося активным борцом на фронте социалистического строительства. Есть ли у нас такие ученые? Да, есть. Они идут из самой гущи рабочего класса, создавая новый тип научного работника, неся новые методы в научную работу, коренным образом изменяя взгляд на науку, превращая науку в боевое, классовое оружие социалистического строительства.

Показывать в художественном произведении деятельность советской науки и проходить мимо этого огромнейшего факта — значит не понимать сущности нашей эпохи.

Правда, в конце повести, на одном только собрании, очень бледно и слабо Никитин показывает нового ученого Алыгезова. Алыгезов произносит хорошую речь и только, а этого, конечно, совсем недостаточно.

Повесть Никитина «Безрогий носорог», как я уже сказал, шаг вперед в сравнении с «Суданским негром», но эта же повесть говорит о том, что писатель еще не совсем верно понимает события нашей грандиозной эпохи.

К. Терентьев
Мариинск

БЕЗРОГИЙ ИЛИ «ОБЕЗРОЖЕННЫЙ» НОСОРОГ

«Нельзя по-старому валить в одну кучу всех специалистов и инженерно-технических работников старой школы». Нужно «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе». Таково одно из шести исторических условий тов. Сталина. Вопрос о специалистах, как отмечено этим условием, в настоящий момент имеет большое значение. Это ставит определенные задачи и перед литературой. Чтобы не валить в одну кучу старых специалистов, надо их знать, а чтобы их знали, нужно их показать. Этот показ — одна из очередных тем литературы. Разрабатывая эту тему, писатель делает практически нужное дело, выполняет «часть организованной, планомерной, объединенной партийной работы». Словами Сталина подсказано и направление этой работы. Он говорил: «Если в период вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выразилось главным образом в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону советской власти, наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней».

На тему о специалисте старой школы написана повесть М. Никитина «Безрогий носорог» («Сиб. огни», 31 г. № 12). По теме эта повесть, очевидно, вполне своевременна, как раз отзывается на задание, поставленное пятым условием Сталина. Повесть уже вызвала довольно суровый отзыв одного из читателей, тов. Терентьева, под выразительным заглавием «Обезроженный носорог». Основной недостаток повести, по мнению тов. Терентьева, заключается в том, что «в ней совершенно не показана классовая борьба в науке», т. е. повесть аполитична. «Не видно тех, кто под маской лояльности, забравшись в наши институты, академии и вузы, пытаются вести контрреволюционную работу»; нет и «ученого коммуниста, являющегося активным борцом на фронте социалистического строительства». Словом, изображено не то, что надо, и не так, как следует. Актуальная интересная тема испорчена.

Письмо тов. Терентьева имеет принципиальное значение. Оно указывает писателю, как нужно изображать классовую борьбу в

науке. Того, что требует автор письма, в повести, действительно, нет. Ввиду важности темы, затронутой Никитиным, следует подробнее разобраться во всем этом.

Герой повести — некий профессор Крот. Он начальник экспедиции, разыскивающей месторождения апатитов. Экспедиция, видимо, организована по его инициативе. Он выдвинул вопрос о возможности найти апатиты в данном районе. Газеты подняли шум вокруг этого вопроса. Под этот шум ему было оказано общественное доверие. Ему было поручено начальство над экспедицией, а саму экспедицию оборудовали так щедро, как ни одну из его прежних поездок. Ради нее отложили другую экспедицию, тоже очень важную, потому что кроме проф. Крота туда послать было некого. Повесть начинается с того момента, как профессор после долгих вычислений и размышлений убеждается, что экспедиция оказалась напрасной: местные апатиты не имеют промышленного значения. Положение его довольно тяжелое, пожалуй, даже драматическое. Ведь это он поднял вопрос об апатитах. Это о нем говорил т. Сталин, что старые специалисты начинают работать заодно с рабочим классом, это к нему он рекомендовал проявлять побольше доверия и заботы. Доверие и заботы оказаны, к его авторитетному голосу прислушались. А в результате «наделала синица славы, а море не зажгла». Объясний теперь, что он журавлей в небе не обещал и даже просил газетчиков не подымать шума, что ошибки могут быть у каждого, что он сделал все, от него зависящее, что он искренне хотел и теперь хочет работать заодно с пролетариатом. Общественное мнение осудит его, будут называть вредителем. А думать о том, как он разобьет надежды своих молодых сотрудников, было нестерпимо. Разве он этого хотел? Надо что-то сделать. Дорогая экспедиция не может кончиться впустую. Если ей не удалось найти апатиты, она должна найти что-либо равноценное, не какой-нибудь пустяк, попадающийся на каждом шагу. Опыт и знание старого, высококвалифицированного специалиста не годится прикладывать к исследованию, для которого достаточно молодых практикантов. Директор ближнего совхоза говорит, правда, что он все эти экспедиции переделал бы на почвоведные, так как исследование почв — остро нужное дело. По для этого вовсе не нужен проф. Крот, который способен дать гораздо большее. Это все равно, как если бы послать его в школу 1-й ступени преподавать малышам природоведение. Самолюбие, тщеславие? Возможно. Но оценка своих сил правильная.

Случай приходит на помощь профессору. Случайность здесь вступает, как необходимое звено, и в развитие мыслей профессора и в развитие самого рассказа. Неподалеку от стоянки экспедиции обнаружили какие-то ископаемые кости. Беглое ознакомление с находкой убеждает профессора, что он столкнулся с чрезвычайно редким экземпляром ископаемого индрикотерия — безрогого носорога. находка имеет мировое значение в палеонтологии. Наука, несомненно, обогатится, будут сделаны интересные и важные выводы о прошлом данного края. Эквивалент апатитов найден. Силы и деньги истрачены не зря. Какой-нибудь почвовед-практикант и не заподозрил бы всей ценности находки. Для этого нужно быть именно таким высоким специалистом, как проф. Крот. Чрезвычайно удачно, что он оказался на месте.

Экспедиция всецело уходит в раскопки. Скелет индрикотерия (редкий до своей сохранности) выкопан, упакован, отвезен в город. Перевозка удастся нелегко. Экспедиции ставят препятствия. Директор совхоза отнимает у нее транспорт. Но профессор энергичен, настойчив и добивается своего. Однако, найденный им скелет сразу же начинает играть неожиданную, совсем неподходящую для мирного ископаемого роль. С профессором в экспедиции работает студентка Нина, будущая аспирантка и вероятная преемница по кафедре. До сих пор она была горячей поклонницей своего учителя. «В ее будущем, с поправками на современность, повторялось прошлое проф. Крота». Ей пришлось съездить за ящиками для упаковки носорога в соседний совхоз. Она познакомилась с горячей работой совхоза, побывала на полевом собрании рабочих, — и мечты о профессорской карьере поблекли. По приезде в город, она объявила Кроту, что работу у него бросает, создает ударную группу по изучению методов исследования почв и весной выезжает с ней в совхоз. У проф. Крота нет больше преемницы, некому продолжать линию его научной работы. Другой его помощник, Сергей Сергеич, которого он считал узким специалистом, неспособным вырасти в ученого мыслителя (каким Крот считал себя), на собрании во время отчета об экспедиции укоряет профессора именно в отсутствии широкого взгляда на научную работу, в поверхностности. Если бы Крот учел бурный прогресс науки, вызванный социалистическим строительством, он не бросил бы порученного ему дела, не погнался бы за эффектной находкой. Даже пионеров, обнаруживших носорога, профессор, несмотря на свои старания и увлекательные объяснения, не может заинтересовать раскопками: они предпочитают работать в совхозе. В сущности, еще до приезда в город он, бла-

годаря своему индрикотерию, остался совершенно одиноким. А его сообщение о редкостной и высокоценной находке, сделанное «Обществе по изучению производительных сил Сибири», вызвало отношение, которое совсем его доконало. Один из ораторов, человек, правда, неученый, сказал прямо и резко: «Я, товарищи, уважаю науку. Но я не уважаю ту науку, которая в период напряженнейшего социалистического строительства занимается зряшными делами. Я не хочу сказать, что допотопные носороги не нужны науке, они, конечно, нужны, но для них нужно знать время». И только один сочувственник оказался у Крота, мертвец от науки проф. Брюн, один из тех, кого Крот презирал за «их ничемные монографии о скакунах и жужелицах». Профессор потерпел полное крушение. Он еще не мертвец, «неизвестно еще, что с ним будет. У него еще нет двухтомной монографии скакунах и жужелицах. Но она может появиться, она может появиться, потому что ветер его покинул — ветер времени».

Автор покидает своего героя, как на кладбище, в его музее, посреди мамонтов и птеродактилей. Он не говорит, что дальше станет с ним: похоронит ли он себя среди своих ископаемых или спустится с «высот» чистой науки, чтоб отдать свои знания насущным нуждам строительства. Однако, не верится, чтобы он пошел на самопогребение. Умирать ему не хочется, а то, что его может окончательно погубить, он разглядел и понял.

«Ученого коммуниста, являющегося активным борцом на фронте социалистического строительства» в повести, действительно, нет. И еще вопрос, как подействовал бы его пример на такого убежденного одиночку, как проф. Крот. Но автор заставил его прийти к убеждению, что он шел неверным путем, заставил понять, где лежит правильная дорога, не посредством назидательного примера; Крот осознал это в процессе собственной своей работы. Может быть, вокруг него еще нет настоящих работников, борцов за соцстроительство, но он теперь знает, что они действительно нужны, и знает, какими они должны быть. Дальнейший выбор зависит от него самого. Его молодые сотрудники этот выбор уже сделали.

Все это сделал «безрогий» носорог. Вряд ли за это его можно считать «обезроженным». Ведь он помог отрезать начисто целую полосу научной традиции, которую вел далеко не плохой представитель старой школы и которую собирались продолжать его советские ученики.

Есть разные способы воздействия на читателя, в частности, по-разному можно внушать «положительные» идеи. Можно по-

казать ему положительного героя в его созидательной работе и – борьбе, как бы говоря этим: вот какие люди нужны; делай и ты так же. Можно сделать иначе. Писатель не изображает положительного героя, не говорит о том, что и как нужно делать, но повествование строится так, что читатель невольно думает: вот как нужно сделать, вот какие люди нужны. <...>

Каждый из этих способов имеет свои достоинства, каждый достигает цели. Право писателя выбрать тот или другой. Никитин выбрал второй. Разбирая его повесть, мы должны сказать, правильно ли он использовал материал, достиг ли поставленной цели. Но вряд ли основательно упрекать писателя, что он прибег к этому, а не тому способу, решил задачу (говоря арифметическим примером) не приведением к единице, а путем пропорции.

Решил ли автор задачу?

Показать проф. Кроту, что как раз в тот момент, когда, по его мнению, он поднимается на заоблачные высоты беспартийной, внеклассовой, свободной от «узкого практицизма и делячества» науки, он терпит крах именно как ученый и мыслитель, что его наука ценна только тогда, когда она служит делу соцстроительства, значит, думается, решить задачу — и решить правильно. А Кротов ведь немало, и они далеко не худший элемент в своей среде. Специалистов старой школы нельзя валить в одну кучу. Многие из них хотят работать заодно с рабочим классом, чтобы проявить инициативу (как Крот), но при этом могут впадать в ошибки, думая, в то же время, что они делают важное и нужное дело. К ним нужно «проявлять побольше внимания и заботы», между прочим, и в этом отношении, сказать это читателю — разве не значит решить задачу?

В повести не изображена классовая борьба в науке, говорит т. Терентьев. Однако, в повести есть побежденный. Его победил рабочий класс своим планомерным, рассчитанным упорством в строительстве новой жизни, и он принужден сдать свои позиции в области науки. Если есть побежденные и победители, значит, есть и борьба, а так как позиции сданы в науке, то очевидно, борьба науки касалась. Разве классовую борьбу в науке должны вести непременно ученые? Если бы это было так, немного бы успел пролетариат в этой борьбе; ведь в начале борьбы ученых у него было куда как мало.

Вредительство старых специалистов не раз изображалось в литературе (хотя бы в «Ведущей оси» Ильенкова или, в сибирской беллетристике, в «Огнях лесозавода»). Но «само поведение активных вредителей на известном судебном процессе в Москве

должно было развенчать и действительно развенчало идею вредительства» (Сталин). Пора и в литературе от политики разгроба переходить к другим установкам. Никитин был прав, не вводя в свою повесть вредителей. Зато он, правда, бегло, эскизно, дал фигуры научных мертвецов (проф. Брюн, Столов), все еще хватающих живых, мертвецов, довольно ловко умеющих показать, что они еще не умерли (речь Столова).

Я не хочу всем этим сказать, что повесть Никитина совершенно безукоризненна, перл в своем роде. Недостатки в ней, конечно, есть. Напр., между Ниной, сотрудницей Крота, и директором совхоза, очевидно, назревает роман. Беды в этом никакой нет: дело молодое. Но роман этот несколько затемняет идею повести. Не совсем ясно, почему Нина разочаровалась в своем учителе, в своем прежнем понимании научной работы: то ли она ясно осознала их ненужность, то ли увлеклась директором. Найдутся и другие недостатки. Но каковы бы они ни были, автор ставит перед собой жизненный, острый вопрос и в решении его идет по правильному пути. Это делает его повесть интересной и ценной.

Несколько замечаний о критике — в заключение.

Права критики, в особенности критика не профессионала, а рядового читателя, который и есть настоящий потребитель литературы, очень обширны. Он может судить обо всем, начиная с выбора темы и кончая малейшими деталями художественного произведения. Обычно этими правами пользуются неограниченно, особенно в вопросе о выборе темы. Если писатель изобразил колхоз, его упрекают, почему он не написал о заводе; если он пишет о специалистах — почему не говорит о рабочих и т. д. Вмешательство этого рода часто вполне законно. Когда советскому читателю преподносят трехтомный роман об открытии мощей или о любви параличного купца 20-х годов прошлого века к модной барышне, он вправе сказать: «Зачем это нужно? Напиши лучше о нашем бухгалтере». Но следует признавать права и за писателем. Допустим, что он взял современную и нужную, хотя бы и маленькую тему. В этом случае упрекать его за то, что он не выбрал другой, не расширил взятой в сторону, приятную тому или другому критику, пожалуй, не годится. Наше читательское дело — оценить, правильно ли писатель решает поставленный им вопрос или (ведь не всякий вопрос писатель может решить) правильно ли он его ставит. Если правильная постановка или правильное решение возможны на том материале, которым ограничился писатель, критик должен уважать писательское право на это ограничение.

Никитин не брался изобразить целиком весь ученый мир. Он поставил вопрос только об одной его разновидности, но разновидности достаточно многочисленной. В досоветских условиях эта разновидность была передовой, отражалась она и в литературе. Каковы ее значение и возможная жизненная роль сейчас? Что этим людям делать и что нам о них думать сегодня?

Никитин правильно подошел к вопросу. Называть его носорога «обезроженным» — не за что.

ПРОТИВ «УЗКОГО ПРАКТИЦИЗМА»

Молодой писатель Михаил Никитин написал повесть «Безрогий носорог»*. Содержание повести таково.

Некий профессор снаряжает экспедицию для исследования апатитов, залегающих близ недавно организованного крупного совхоза. Работа экспедиции выясняет, что эти апатиты не имеют промышленного значения.

В это время профессор получает известие, что неподалеку обнаружены кости какого-то ископаемого животного. Он отправляется туда. Оказывается, что кости принадлежат редчайшему безроговому носорогу и представляют громаднейшую ценность для палеонтологии. Профессор решает перебросить свою экспедицию на добычу и вывозку скелета.

По мнению автора, он совершает этим вредное, даже контрреволюционное дело. Его осуждает вся общественность. Его ближайшие сотрудники и ученики оставляют его. Совхоз отнимает у него рабочих. Директор совхоза, инспирируемый автором, высказывает глубокие мысли: «...Я не против палеонтологии... Но если бы вы меня спросили, что для меня сейчас важнее, палеонтология, или, например, почвоведение, я бы сказал прямо: для меня в данное время важнее почвоведение... Вы обследовали месторождения фосфоритов и нашли, что они не имеют промышленного значения. И вот вы оставили их и занялись носорогом. Если бы на то была моя воля, я превратил бы вас в почвенную экспедицию... Ваш индрикотерий отвлекает силы и средства, которые могли бы быть брошены хотя бы на организацию почвенных экспедиций».

Директор отбирает для совхоза катер научной экспедиции, капитан парохода отказывается взять ее груз. Представители рабочих и научной общественности (за исключением реакционной профессуры) резко осуждают руководителя экспедиции. Он стоит один перед фронтом всех живых сил страны.

* Михаил Никитин, «Безрогий носорог», МТП, М. 1933, тир. 5.200, стр. 223, ц. в пер 4 р.

Но ведь это — надуманная ситуация. Она отнюдь не соответствует советской действительности.

Никогда, даже в годы гражданской войны и голода, пролетариат не ставил вопрос: «Или хлеб, или наука». Пролетариат нашей страны всегда шел на крупнейшие жертвы, чтобы сохранить памятники искусства и науки, чтобы предоставить ученым наилучшие условия для их работы. Что же сказать о постановке этого вопроса сейчас?

Профессор не предал интересов совхоза. Автор сам говорит, что апатиты при нынешнем состоянии науки нельзя было использовать, что они могли бы быть использованы лишь когда-нибудь в будущем. И совершенно немыслимо, чтобы вокруг профессора могло создаться этакое враждебное кольцо. Скорее всего было бы наоборот: помощники профессора содействовали бы ему, администрация и общественность совхоза и пароходства оказали бы ему посильную помощь, широкая общественность рабочих и ученых приветствовала бы его научное открытие, а правительство, по всей вероятности, оценило бы его заслугу. Если же кто-нибудь вел бы себя по отношению к профессору так, как предписывает Никитин, он, безусловно, встретил бы резкий отпор.

Ибо, прежде всего, **«нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей»**. Ему нужны не только хлеб и железо, — ему нужны и физкультура, и театр, и музыка, и музеи, и научные открытия, даже и такие, которые нельзя использовать для удобрения. Попытки обкорнать культурные потребности пролетариата — глубоко вредны.

Во-вторых, нам очень дорог тот авторитет, каким Советский Союз пользуется среди мирового пролетариата. А этот авторитет, между прочим, базируется и на достижениях советской науки. Следовательно, мы должны способствовать ее дальнейшему развитию во всех областях, а не откладывать некоторые из них до будущих исторических эпох, когда закончится борьба за хлеб и железо.

В-третьих, палеонтология дала ценнейший материал для теории Дарвина. А ведь теория Дарвина служит мощным базисом пропаганды материализма. Вероятно, и для Никитина несомненно, что марксизм является мощным орудием пролетариата в борьбе с капитализмом.

Кроме того, палеонтология имеет и большое практическое значение. И в этом нет ничего неожиданного. Самые, казалось бы, «абстрактные» дисциплины могут дать ценнейшие практические выводы.

Никитин ополчается не только против палеонтологии. Он считает, что для практического работника знания, не относящиеся к его специальности, являются лишним грузом.

Вот мысли «положительного» персонажа повести — ассистентки профессора Нины, устами которой говорит сам автор:

«Она подумала о том, что директор, пожалуй, ничего не знает ни о Руссо, ни о Катоне Старшем и что его знания проникнуты узким практицизмом... Катон Старший и Руссо! Директор зерносовхоза не может позволить себе роскоши знать, что они говорили по тому или иному поводу. Да, он не может этого знать, потому что все внимание поглощено делами зерносовхоза. В конце концов, он только рычаг очень большой и очень сложной машины. Рычаг этот освобожден от всяких “украшений”, потому что украшения отяжелили бы его и замедлили бег».

Какая ерунда! Быть может, большинство наших директоров совхозов и не являются разносторонне образованными людьми, что не мешает им быть хорошими директорами. Но все же мы не хотим, чтобы они были «только рычагами». Мы уже теперь стремимся к тому, чтобы все трудящиеся были широко образованы, и мы этого добьемся. Ни на минуту не ослабляя борьбы со сторонниками «искусства для искусства» и «науки для науки», мы беспощадно будем бороться и с «узким практицизмом». Ему нет места в стране строящегося социализма, которая стремится к гармоническому развитию личности.

Что же касается носорога, то совсем недавно в «Правде» появилась такая заметка:

«Скелет гигантского носорога высотой в 4 метра найден экспедицией всесоюзной Академии наук на берегу Аральского моря. Находка представляет **мировой** научный интерес».

Центральный орган партии правильно оценил значение этой находки. Писатель же Никитин выдвинул совершенно нелепую альтернативу: наука или практика? Сама постановка этого вопроса в наших условиях бессмысленна и исключает возможность правильно его разрешить.

ПОВЕСТИ О СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

М. Никитин. «Безрогий носорог», МТП, 1933 г.

<...> Печатаюсь давно в «Сибирских огнях» и сборниках, М. Никитин в новой выпущенной МТП книге, отдает на общественный суд свое лучшее, наиболее зрелое, наиболее для автора характерное.

И первое, о чем хочется говорить, прочитав книгу, это о строгой работе над словом, об языковой культуре, которой автор успел овладеть в кропотливой, должно быть, в тщательной работе над собой.

Язык повестей М. Никитина течет плавно, как текут полноводные сибирские реки. Он чужд манерничанья, вычурности, но образен настолько, насколько это нужно автору для раскрытия темы. А ведь это очень радует, когда от произведения не несет «литературщины». <...>

Автор не совсем прав в своей самооценке. Проза его еще не вполне спокойна. В ней еще много лирической взволнованности, достаточно импрессионизма, хотя в основном, несомненно, идет М. Никитин к прозе реалистической.

На данной стадии своего развития стиль М. Никитина находится на грани между романтикой и реализмом. Мировоззрение писателя не чуждо некоторым элементам идеализма (а отсюда и тяготение к романтике и субъективизму), но оно переламинается в сторону материалистического осмысления советской действительности.

Расширяя и углубляя свой кругозор, М. Никитин тяготеет к реалистическому воспроизведению того богатейшего материала, который дала ему советская, социалистическая Сибирь.

От этой двойственности стиля М. Никитина исходят его сильные и слабые стороны. Полуромантик, полуреалист в своем творческом методе, он не всегда уверен в выборе пути от материала к образу. Отсюда колебания между лирико-романтической повестью («Марина») и фиксацией фактов в получеркистском, полубеллетристическом плане («Безрогий носорог»). <...>

В переходе к реалистическому повествованию М. Никитин движется зачастую в пределах очерковой фиксации фактов, не сознав их обобщающего значения. Отсюда ошибки, в которых добросовестно признался и о которых хорошо рассказал сам автор на московской конференции молодых писателей.

В качестве несомненного недочета творческого метода М. Никитина проступают его парадоксальность и игра на контрастах, на взаимно исключающих положениях.

Повесть «Безрогий носорог» дала заглавие всему сборнику. В статье Палея в «Лит. газете» это произведение получило оценку, как попытка пропагандировать узкий практицизм. Автор статьи в основном прав. Повесть соскальзывает на путь мелкобуржуазного радикализма в духе «базаровщины» и шестидесятичества. Происходит же это потому, что автор повести именно так ставит вопрос: или — или. <...>

В повести «Безрогий носорог» альтернатива — или заниматься строительством колхозов и совхозов или раскапывать остатки ледникового периода. Сама по себе постановка вопроса и примитивна, и неверна. Разумеется, добыча угля на данном этапе более жизненно необходима, чем, скажем, сочинения лорда Байрона. Но разве так именно в действительности стоит вопрос?

Кому же, как не М. Никитину — писателю Сибири, — не знать, что советское государство тратило деньги на экспедицию проф. Кулика для разыскания упавшего метеорита, что делаются огромные затраты на научные исследования, которые не могут сейчас или завтра дать непосредственные результаты. Но в дальнейшем дадут. И, додумав своего «носорога», М. Никитин убедился бы в том, что целый ряд практических вопросов строительства социализма будет разрешен и через деятельность столь сурово разоблачаемого профессора.

Надо, однако, в защиту М. Никитина сказать следующее: сквозь запутанное и нарочито притянутое за волосы противопоставление совхоза и профессора с его «носорогом» проступает честное писательское намерение показать, что наука, подлинная наука, служит и обязана служить в СССР целям социалистического строительства, подчеркнуть оторванность некоторой части интеллигенции от решения этих задач и поворот лучшей части научно-технической интеллигенции на службу делу рабочего класса.

И в этом основное, характерное для Никитина — его тяга к проблемности. К рассказам, остро ставящим вопросы о действительной роли человека в борьбе за переустройство общества, за переделку самого человеческого материала.

Не разрешив покамест значительной части поставленных перед собой задач, срываясь местами в примитивность и (надо сказать прямо) в ошибочность суждений, М. Никитин имеет право на пристальное внимание к своему творчеству. Ошибки не снимают существенного и ценного в сборнике повестей, по-новому показывающих жизнь советской Сибири.

ИЗ ОЧЕРКА «РУССКИЕ ОХОТНИКИ ЗА ИСКОПАЕМЫМИ»

В Азии долгое время было известно очень мало ископаемых остатков позвоночных; частью они встречены были на юге Гималаев, в Сиваликских холмах, частью доставлялись ископаемые зубы из Китая, где путешественники скупали их на базарах: они продаются в Китае в качестве медикаментов. Прошло не более двадцати лет с тех пор, как стали известны местонахождения и в других местах Азии. Так, в Белуджистане было найдено несколько отдельных необыкновенно крупных костей какого-то копытного, которое получило название белуджитерия. А через два года была сделана сенсационная находка, — вернее, несколько почти одновременных находок — значительно севернее, в Тургайской области, т. е. уже в пределах нашей страны.

Это было летом 1912 года. В Тургайских степях в это время работало несколько отрядов Отдела земельных улучшений. Эти отряды имели задачей выяснение гидрогеологических условий в целях обводнения будущих переселенческих участков. Один из этих отрядов, работавший под начальством горного инженера Матвеева, подобрал на р. Кара-Тургае несколько очень крупных зубов, гигантский позвонок и такую же копытную фалангу. И в то же лето участник другого такого же отряда, студент Горного института Гайлит, несколько западнее Кара-Тургая, на р. Джиланчике, нашел богатые костями слои, в которых он набрал довольно значительное количество остатков носорогов и мастодонтов.

Все эти остатки были доставлены в Геологический музей Академии наук, который в ближайшее же лето (1913 г.) командировал того же Гайлита, проявившего большой интерес к своей находке, в качестве «охотника за ископаемыми» для дальнейших розысков и раскопок в обоих местах.

Тургайская область занимает часть киргизских степей, населенных кочевыми киргизами. Степь представляет волнистую равнину, с разбросанными по ней солеными и пресными озерами, заросшими камышами, которые населены множеством водоплавающих птиц. Гайлит снарядил караван, нанял киргизов в качестве рабочих вести раскопки и отправился в путь. По дороге он

разговорился с киргизами, которые во время кочевков хорошо изучили свои степи и знали интересные особенности всех их уголков. Киргизы рассказали ему, что они видели скопления костей гораздо более крупных, чем на Джиланчике, к югу от этой речки, на берегу большого соленого озера Челкар. Там была большая битва великанов, говорили они, и кости их теперь лежат разбросанные повсюду по берегам этого озера.

Гайлит увлекся рассказами киргизов и повернул экспедицию на Челкар. Это было, конечно, большим проступком с его стороны — изменить намеченное задание, но он не мог противостоять желанию подобрать и «кости великанов».

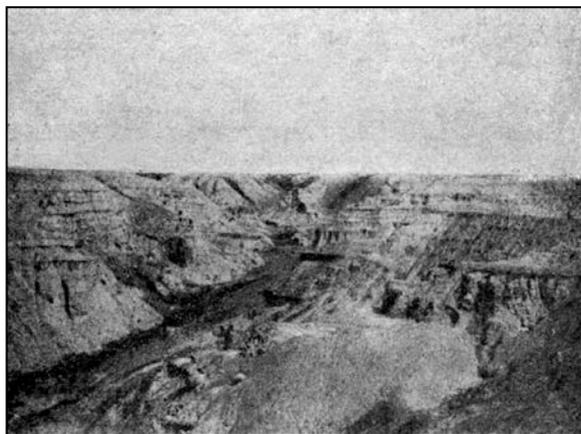
На Челкаре действительно оказалось нечто в высшей степени интересное. Кости в 1 ½ и более метров длины, цельные и в обломках, так увлекли нашего охотника, что он провел здесь все время, пока не иссякли все данные ему средства. Кости были очень хрупки, и с ними было много возни. Приходилось каждую обдывать особым глиняным кожухом. Для этого мягкую глину, которую брали тут же на склоне, смешивали с травой (для прочности) и толстым слоем накладывали на кость по мере того, как ее освобождали от глинистого песчаника, в котором она находилась, пока, наконец, вся кость не представляла толстую цилиндрическую или округлую (смотря по форме) болванку. Караван вез доски для ящичков, так как в степи их негде было достать: по форме костей делались ящички, и кости запаковывались в них, в сено и солому.

Об экспедиции не было никаких сведений все лето, так как поблизости от нее не было никаких почтовых учреждений. Наконец, Гайлит вернулся и с торжеством заявил, что он привез целого мамонта. Велико было разочарование, вызванное этим рассказом: его посылали для обора совершенно новой, неизвестной до того фауны, а вместо нее он привез давно и хорошо всем известного мамонта, остатков которого и без того много в наших музеях.

Но вот пришли и ящички. И хотя «мамонт» и не представлял особого интереса, все же надо было посмотреть, что это за кости. Раскупорили один из самых крупных длинных ящичков, сняли крышку, но вынимать кости не пришлось: глиняная култышка по дороге растрескалась и грозила совсем рассыпаться вместе с костью. Предстояло препарировать тут же в ящичке: понемногу осторожно снимать глиняную корку и осторожно склеивать и уплотнять (пропитывать шеллаком) обнаженную часть кости, — работа исключительно кропотливая, чисто мозаичная. С первых

же шагов препарировки обнаружались такие признаки кости, которые позволили с уверенностью сказать, что это не мамонт. Это было какое-то совершенно новое гигантское животное. Разочарование сменилось острым интересом, который удесятирил внимание и осторожность при препарировке.

На этой работе — препарировке скелета индрикотерия, этого нового гигантского животного, родственного упомянутому выше белуджитерия, — создан наш кадр опытных препараторов. Высящийся ныне в Геологическом музее колоссальный скелет индрикотерия (5 м высоты) с его, как из мозаики, склеенными костями, тем не менее сохранившими правильную естественную свою форму, навсегда останется памятником этой гигантской работы — школы. А какую трудную работу представляла монтаж этого колосса!

Тургайские раскопки. Общий вид обрыва, сложенного третичными отложениями.

Как было сказано, раскопки велись в течение нескольких лет. Они были прерваны в тяжелые годы разрухи, а затем возобновились с новой энергией. Тургайские степи представляют неиссякаемый источник местонахождений, и здесь еще многое могут сделать наши охотники за ископаемыми; вдобавок они имеют здесь незаменимых помощников в лице степных киргизов, с их великолепным знанием местности и большой наблюдательностью. Тургайские раскопки, наряду с северодвинскими, являются самыми крупными, какие только мы вели. Но условия для ра-

боты здесь несравненно более трудные, чем на Сев. Двине: пустынная область, лишенная пресной воды, которую приходится привозить издалека, а главное — костеносный слой, лежащий под мощной толщей пустой (не заключающей окаменелостей) породы, и сами кости, как уже говорилось, необычайно хрупкие.

*Тургайские раскопки. Вскрытие костеносного пласта
(снятие пустой породы).*

На тургайских работах вырабатывались как методы раскопок, так и способы обделки и упаковки вскрытых костей; перерабатывались и приспособлялись к местным условиям американские приемы работы и изобретались собственные. Примитивные приемы, которыми пользовался Гайлит, давно оставлены, и теперь мы с гордостью можем сказать, что ни одна кость не теряется и не разрушается по дороге в музей более, чем она была уже разрушена в породе.

К озеру Челкар-Тениз с севера подходит обрыв высокого плато; этот обрыв киргизы называют Нура. Крутой обрыв Нура, почти лишенный растительности, прорезан многочисленными оврагами, в стенках которых, изорванных оползнями, прекрасно обнажаются песчаные и глинистые слои третичных отложений, в которых заключен костеносный пласт. Общая картина этих безжизненных склонов напоминает знаменитые, описанные Штернбергом, пустыни западных штатов С. Америки, прославленные своими ископаемыми фаунами. Наши пустыни еще далеко не могут спорить в этом отношении с американскими. Но мы уже говорили, что ведь так недавно начаты наши работы, и так малы еще те средства, которыми мы располагаем для раскопок.

Будет небезынтересно, а может быть даже полезно — для тех, кому доведется самому вольно или случайно стать охотником за

ископаемыми костями — привести описание тургайских раскопок одного из наших охотников, несколько лет работавшего в Тургае, М. В. Баярунаса. Впрочем, свою славу он по справедливости должен разделить со своим ближайшим сотрудником, покойным препаратором М. Г. Прохоровым, который являлся нашим лучшим охотником за ископаемыми.

Тургайские раскопки. Раскопки дошли до костеносного пласта.

«Костеносный слой лежит под толщей приблизительно в 10-12 м пустых пород, — пишет М. В. Баярунас, — которые придется снимать прежде, чем добраться до настоящего костеносного слоя. Характер отложений не представляет особых трудностей для земляных работ, за исключением отдельных, небольших сравнительно горизонтов, которые требуют применения кирки.

После того, как съемка пустых пород закончится и расчищена площадка (над костеносным слоем), начинается более серьезная работа, требующая не только более опытных и сообразительных рабочих, но и постоянного присутствия препаратора. При этой работе требуется большая осторожность и внимательность, так как часто малейшая небрежность может попортить или даже совершенно погубить ценный материал.

Особенно при этом страдают кости мелких млекопитающих, которые благодаря своей незначительной величине, в окраске, близкой к цвету породы, могут быть легко пропущены. Даже тща-

тельная переборка породы руками и разминание ее не всегда спасают от потери некоторой части материала.

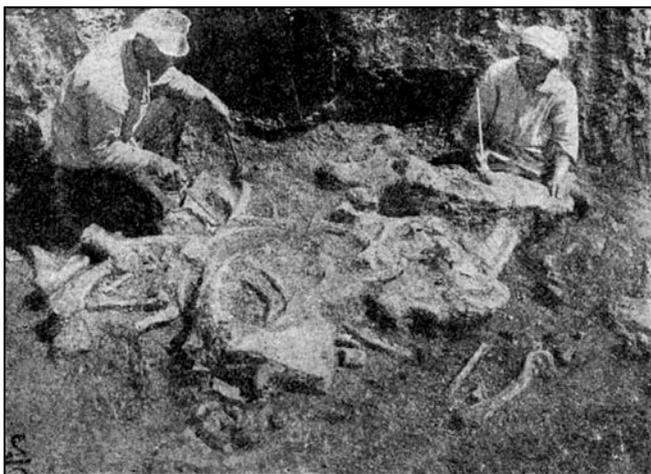
Тургайские раскопки. Разработка костеносного пласта; посередине – кости в глиняных кожухах, заделанные для отправки.

Порода, содержащая кости, осторожно снимается киркой на глубину не более пяти сантиметров; при этом мелкие кости выбираются из измельченной породы; когда обнаружится присутствие более крупной кости, сейчас же работа киркой приостанавливается, и большим ножом с острым концом осторожно снимают породу вокруг кости, сметая пыль кисточкой или сдувая ее; кость обнажается настолько, чтобы можно было определить ее форму. Затем порода осторожно обдалбливается на некотором расстоянии (10-15 см) кругом кости киркой или французским молотком так, чтобы не повредить как обнаруженную, так и могущие находиться рядом с нею другие кости.

Если сохранность кости позволяет вынуть ее без повреждений, то ее осторожно поднимают, очищают от породы, сушат и затем упаковывают. Если же кость рыхлая или раздроблена, что бывает гораздо чаще, то ее осторожно очищают сверху и несколько раз пропитывают жидким столярным клеем. При этом стараются не трогать кости кисточкой, а лишь осторожно с нее капать, чтобы не переместить отдельных кусочков. Процесс вы-

сыхания кости и повторного пропитывания обыкновенно занимает довольно много времени (1-2 дня).

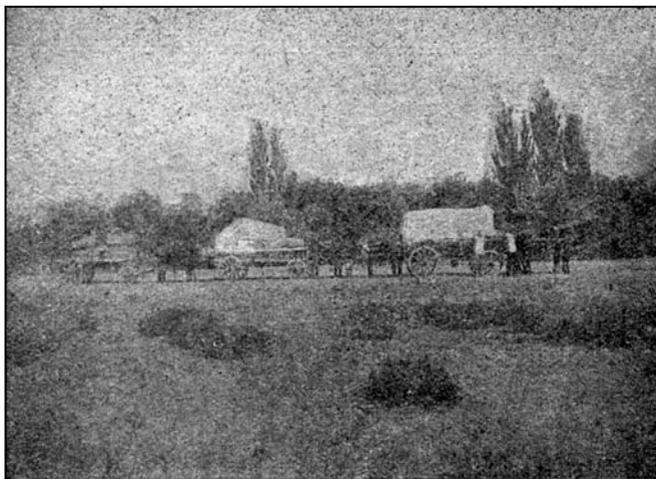
Недостатки этого способа особенно сказываются в сырую и дождливую погоду, когда клей совершенно не сохнет и приходится обнаженные кости держать под ящиками и брезентами. К счастью для раскопок, Тургайская область не отличается особенной дождливостью. Все же иногда приходится на несколько дней совершенно прекращать этого рода работу.

Тургайские раскопки. Скелет третичного носорога, вскрытый при раскопках.

Закрепленная таким образом кость слегка подкапывается снизу и облепляется куском материи, пропитанной клеем. Материя по возможности, прижимается плотнее к кости и служит отчасти для связи поверхности кости во время пересылки, отчасти для более легкого отделения упаковочного материала от кости при препарировке. Подсохшая материя заливается сверху гипсом или хорошо замешанной глиной. Гипс сохраняет кость лучше, и работать с ним быстрее и легче, если он достаточно хорошего качества и если можно не очень жалеть его количества. Глина имеет только одно преимущество — дешевизну — и много недостатков, из которых наиболее существенный — продолжительное время, нужное для ее высыхания.

Через час или даже полчаса гипс вполне осядет и окрепнет, и тогда кость можно подкопать снизу и перевернуть на другую сторону, с которой поступают таким же образом, т. е. очищают от породы, пропитывают клеем, обкладывают материей и заливают гипсом».

Тургайские раскопки. Возвращение экспедиции: обоз, нагруженный ящиками с коллекциями.

С тех пор как были написаны эти строки, еще пять раз Академия наук направляла в Тургайские степи своих охотников, и всякий раз они возвращались с богатой добычей. Когда-нибудь они расскажут о своих приключениях, то комических, то порою жутких.

Этими исследованиями обнаружены местонахождения и более древние, чем индрикотериевые, с остатками рептилий, и более молодые, с более молодыми фаунами млекопитающих. Они доставили особенно интересный материал для истории носорогов и хоботных. Самое крупное местонахождение более молодой, пикермийской, фауны было открыто около г. Павлодара. Здесь крутой берег Иртыша дает мощный разрез, неоднократно посещавшийся геологами. Но только тогда, когда приехал сюда палеонтолог, среди пластов этого разреза была открыта богатейшая костеносная линза. Два года работала здесь экспедиция Академии наук; на крутом берегу р. Иртыша были заложены боль-

шие уступы, вскрывшие пласт, буквально переполненный костями. Из этого местонахождения было извлечено множество остатков — черепов, костей, иногда целых скелетов носорогов, жираф,

Павлодарские раскопки. Общий вид вдоль берега

гиппарионов, саблезубых тигров, страуса и др. Целых два товарных вагона заняли ящики с добытыми коллекциями. Эти раскопки впервые точно установили нахождение в Западной Сибири фауны млекопитающих «пикермийского» типа; никто не думал ранее, что эта «африканская» фауна жила некогда так далеко на севере. <...>

Несмотря на плохое самочувствие, М. Г. Прохоров после окончания работы в Нижнеудинских пещерах все же поехал в экспедицию на Аральское море, к несчастью, оказавшуюся для него последней.

У одного из заливов на восточном берегу Аральского моря высятся двухсотметровые останцы его прежней береговой линии. Между останцами врезаны глубокие сухие овраги. На плоских вершинах останцев залегают известняки и глины, которые в нижних своих пластах на уровне свыше 150 м над морем являются костеносными. Эти пласты заключают огромные кости упоминавшегося уже замечательного гигантского олигоценового носорога индрикотерия великолепной сохранности. Нужно напомнить, что череп этого животного до экспедиции Прохорова был науке неизвестен.

Условия работы в этом году были очень трудными. Недостаточность снабжения продовольствием обусловила чрезвычайно плохое питание участников экспедиции. Отсутствие керосина и дров еще более ухудшало и без того скверное питание, приходилось питаться полусырыми лепешками и едва разваренной просяной кашей. Сносной воды также поблизости не оказалось: пили горькую солоноватую воду, которую возили на верблюде издалека. Постоянные ветры, дувшие с чрезвычайной силой, несли

*Павлодарские раскопки. Заделка добытых костей
в глиняные футляры.*

не только песок, но и довольно крупные камни, разбивавшие стекла предохранительных очков. Ветер не прекращался и ночью. Одежда, постели и пища были обильно уснащены довольно крупным песком. Часть рабочих вследствие трудных условий разбежалась. В довершение всего помощник Прохорова, М. Н. Михайлов, заболел тифом и в полусознательном состоянии был отправлен обратно в Ленинград.

В такой обстановке М. Г. Прохоров обнаружил череп индрикотерия, выступавший на отвесном обрыве над морем. Широкая трещина отделяла глыбу породы с черепом от остальной толщи известняка. Если бы оставить находку до следующего года, глыба с черепом, конечно, отвалилась бы и скрылась бесследно в мас-

сах рыхлого песка, слагающего стометровые осыпи под склоном обрыва. Мог ли завзятый охотник за ископаемыми оставить свою драгоценную находку? И, несмотря на все трудности, работы начались. Приходилось обвязываться веревками, работая на отвесном краю обрыва под непрекращающимся ветром. Твердый известняк плохо поддавался усилиям немногочисленных рабочих. Отделенная глыба была закреплена подпорками, на которые ушло все мало-мальски прочное, бывшее в экспедиции. Даже телеги, на которых приехала экспедиция, были разобраны для закрепления глыбы. Наконец, с невероятными ухищрениями «сверхинженерного» искусства глыба была втащена наверх на плоскую поверхность обрыва и отсюда на катках доставлена к лагерю. С большими трудностями запакованная глыба была доставлена к железной дороге.

Наступил сентябрь, постоянные ветры уже дули холодом, без отопления палатки продувались насквозь. Но работа была закончена лишь после того, как были извлечены все находившиеся вместе с черепом части скелета.

Вскоре после приезда в Ленинград М. Г. Прохоров заболел и летом 1934 года умер от рака желудка. Железный организм покойного, подорванный непрерывными экспедициями, наконец, не вынес последних трудностей. Уже тяжело больной М. Г. Прохоров строил планы новой своей экспедиции, составлял сметы и план работ, распоряжался заготовкой снаряжения. Почти до самых последних дней беспокойный дух охотника за ископаемыми снова рвался вперед к новым трудностям и новым победам. С его смертью русская палеонтологическая наука потеряла блестящего коллектора, препаратора и монтировщика коллекций.

Комментарии

М. Никитин. Безрогий носорог

Впервые: *Сибирские огни*, 1931, кн. 11-12, ноябрь-декабрь.

Михаил Александрович Никитин (1902/3-1973) – прозаик, очеркист. Родился в Димитровграде (Мелекессе), с 1924 г. жил в Сибири, позднее в Москве. Окончил институт сельского хозяйства и лесоводства в Омске. Публиковаться начал в 1925 г. Автор книг «Путь на Север: (Очерки Туруханского края)» (1929), «Второй гигант: (Очерки о Сибири)» (1931), «Безрогий носорог» (1933), «Кузбасские записки» (1953), «Здесь жил Достоевский: Повесть из 33 сцен» (1956), «Енисейская книга» (1957), «Сибирские повести» (1964), переработок северных и туркменских сказок и пр.

Для понимания обстановки, в которой создавалась повесть М. Никитина, следует напомнить некоторые обстоятельства. Писалась она в трудное для сибирской интеллигенции время. Журнал «Сибирские огни», напечатавший повесть в сдвоенном ноябрьско-декабрьском номере за 1931 г., фактически находился в лагере РАППа. В январе 1932 г. была арестована группа связанных с журналом поэтов и писателей, проходивших по делу т. наз. «Сибирской бригады» литераторов (Н. Анов, П. Васильев, С. Марков, Л. Мартынов и др). Одновременно, на уровне всей страны, готовилось грянувшее в конце апреля 1932 г. постановление ЦК ВКП(б) о «перестройке работы» (т. е. роспуске) писательских организаций и создании единого Союза советских писателей.

Быть может, Никитин частично или полностью и одобрял происходящее, но даже вопреки воле автора в повести прорывается душливая атмосфера сталинщины с коллективными судилищами, остракизмом, изменами ближайших друзей и соратников («полевой суд» комбайнеров, сцена заседания «Общества по изучению производительных сил Сибири»).

Есть в повести и мрачное «двойное дно»: и сибирской интеллигенции, и «писательской общественности», и редакции журнала было, конечно, совершенно ясно, кого именно изобразил Никитин под видом профессора Петра Карловича Крота – геолога, минералога и палеонтолога, после 1905 г. побывавшего в якутской ссылке и пишущего стихи о тайге и «туземных девушках». Детали биографии героя

прямо и настойчиво указывали на прототип – замечательного сибирского ученого, любопытного поэта и писателя Петра Людвиговича (Людовиновича) Драверта (1879-1945). И здесь стоит напомнить еще одно обстоятельство: в марте 1931 г. П. Драверт был арестован и 7 октября 1931 г. осужден ПП ОГПУ Западносибирского края по ст. 58-4-7 УК РСФСР. В конце 1931 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления и Драверт (между прочим, один из авторов «Сибирских огней») был выпущен на свободу.

На этом фоне повесть выглядела одновременно и пасквилем, и «литературным доносом», и попыткой защиты. Во всяком случае, Крот-Драверт изображен в ней не без симпатии. Уже в мае 1932 г., в рецензии Н. Т. (Трелина?), журнал «Сибирские огни» усиленно намекал на возможность «исправления»: профессор Крот, надо ожидать, «спустится с “высот” чистой науки, чтоб отдать свои знания насущным нуждам строительства <...> не верится, чтобы он пошел на самопогребение. Умирать ему не хочется, а то, что его может окончательно погубить, он разглядел и понял».

Упомянутая рецензия была лишь одним из целого ряда полемических откликов, связанных с повестью (с некоторыми из них читатель может ознакомиться в приложениях). В ней «Сибирские огни» еще всецело поддерживают правомочность выдвинутой Никитиным дилеммы: соцстроительство или «чистая» наука. Публикация «Безрогого носорога» в составе одноименного авторского сборника 1933 г. вызвал новую волну рецензий. После окрика фантаста и критика А. Р. Палея (1893-1995) в центральной печати, а именно в «Литературной газете» (статья «Против “узкого практицизма”») автору и журналу пришлось признать свои ошибки. Придуманное Никитиным противопоставление ученого профессора и директора совхоза «запутанное и нарочито притянутое за волосы», «сама постановка вопроса и примитивна, и неверна» – писал М. Шишкевич («Сибирские огни», 1934, № 2). Символично, что в том же номере «Сибирских огней» была опубликована статья П. Л. Драверта «Ишимский метеорит».

Собственно палеонтологическое содержание повести «Безрогий носорог» поясняют прилагаемые отрывки из очерка виднейшего русского и советского палеонтолога и геолога А. А. Борисяка (1872-1944); судя по всему, этот очерк и послужил основным источником автора.

К. Терентьев. Обезроженный «носорог»

Впервые: *Сибирские огни*, 1932, № 1, январь.

Н. Т. Безрогий или «обезроженный» носорог

Впервые: *Сибирские огни*, 1932, № 5, май. Публикуется с небольшими сокращениями.

А. Р. Палей. Против «узкого практицизма»

Впервые: *Литературная газета*, 1933, № 054 (309), 23 ноября.

М. Шишкевич. Повести о советской Сибири

Впервые: *Сибирские огни*, 1934, № 2, февраль. Публикуется с сокращениями.

А. А. Борисяк. Из очерка «Русские охотники за ископаемыми»

Впервые в качестве послесловия к книге Ч. Г. Штернберга «Жизнь охотника за ископаемыми» (М., 1930, 1936).

Все включенные в книгу тексты публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В оформлении обложки использован рисунок скелета индрикотерия Н. А. Яньшинова, выполненный в 1950 г. под руководством проф. К. К. Флерова (Палеонтологический музей им. Ю. А. Орлова РАН).

Оглавление

<i>М. Никитин.</i> Безрогий носорог	5
Приложения	
<i>К. Терентьев.</i> Обезроженный «носорог»	80
<i>Н. Т.</i> Безрогий или «обезроженный» носорог	82
<i>А. Р. Палей.</i> Против «узкого практицизма»	89
<i>М. Шишкевич.</i> Повести о советской Сибири	92
<i>А. А. Борисяк.</i> Из очерка «Русские охотники за ископаемыми»	95
Комментарии	106

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.